

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙНЫЙ ФОНД, СОБРАННЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ». ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ

Две революции 1917

«Дни свободы» — так были озаглавлены мартовские выпуски «Петроградской газеты» в 1917 г. [Петроградская 1917: 1]. В эти дни не просто многое менялось — изменилось практически всё. Закончилась история Российской империи и монархии, встал вопрос о будущем политическом устройстве страны, а также о судьбе имущества, принадлежавшего бывшей августейшей фамилии, до революции находившегося в ведении упраздненного Министерства императорского двора.

Инициаторами создания комиссии по приемке движимого имущества петроградских дворцов были Максим Горький и Ф.И. Шаляпин [Миролюбова 2001: 94]. Уже 4 марта (ст. ст.) 1917 г. (через два дня после отречения Николая II) в Петрограде на Кронверкском проспекте, 23 в квартире Горького собрались представители интеллигенции, избравшие «Комиссию по делам искусств», в которую вошли Максим Горький, Ф.И. Шаляпин, М.В. Добужинский, Н.К. Рерих [Миролюбова 2001: 94]. Комиссия попыталась наладить сотрудничество по вопросам охраны петроградских дворцов с новой властью — Временным правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Александр Бенуа, присутствовавший на совещании у Горького, записал в дневнике, что Алексей Максимович несколько раз повторил: «Сами художники должны теперь взять в свои руки охрану музеев» [Бенуа 2006: 127]. Задача крайне непростая, учитывая продол-

жавшуюся войну, борьбу за влияние в новой России, общую нестабильность в стране. Однако на призыв самопровозглашенной «комиссии искусств» отреагировали оба органа власти, претендовавшие на верховенство в период фактического двоевластия, но отреагировали по-разному.

Через четыре дня в «Известиях Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» наряду с сообщением о таинственном автомобиле, мчащемся по ночам с потушенными фарами по городским улицам, с которого стреляют в людей; воззванием к еврейским рабочим от «Еврейской Рабочей Партии Социал-Территориалистов («С.С.»»); приветствиями со всех концов земли «от колонии в Сан-Франциско» до «мусульман гор. Томска»; разъяснением избирательного права женщин — «На обращение представительниц Общества петроградских женщин-юристок Исполнительный Комитет Сов[ета] Раб[очих] и Солд[атских] Деп[е]путатов» разъяснил, что всеобщее избирательное право, на основании которого будут произведены выборы в Учредительное собрание, распространяется и на женщин»; постановлением об аресте Николая II; манифестом об утверждении конституции «Великого Княжества Финляндского», появилось и знаменитое воззвание об охране дворцов и памятников [Известия. 1917. № 9: 1, 5, 6, 7].

«Воззвание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Граждане, старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу.

Граждане, берегите это наследство, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искусства, берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вашей и предков ваших.

Искусство — это то прекрасное, что талантливые люди умели создать даже под гнетом деспотизма и что свидетельствует о красоте, о силе человеческой души.

Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы — все это ваша исто-

рия, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой вырастает ваше новое народное искусство.

Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» [Известия. 1917. № 9: 2].

Это первая декларация Советов по охране памятников истории и культуры, провозглашенная еще до Октябрьского переворота.

Временное правительство в лице А.Ф. Керенского ответило созданием организации, получившей название «Художественная комиссия по приемке движимого имущества Петроградских дворцов бывшего Петроградского Дворцового Управления» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1]. **Это несколько корявое и длинное первоначальное название конторы очень любопытно, поскольку указывает на прямую связь с бывшим Дворцовым управлением Министерства императорского двора.**

Уже в октябре 1917 г. в документах фигурирует упрощенное название «Художественно-историческая комиссия при Зимнем дворце» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 22]. Изначально в состав комиссии входили всего несколько человек — В.А. Верещагин (председатель комиссии), Н.Г. Пиотровский и Б.А. Надеждин (члены комиссии), а также им помогал смотритель дворца Н.Н. Дементьев. То, что на должность председателя 1 июля 1917 г. А.Ф. Керенский назначил В.А. Верещагина [Миролюбова 2001: 94], было, безусловно, не случайно.

Василий Андреевич Верещагин (1859–1931) до революции был действительным статским советником, камергером, гофмейстером и членом Совета Академии художеств. С 1903 г. он руководил Кружком любителей русских изящных изданий, являлся одним из основателей Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины [Миролюбова 2001: 94]. Василий Андреевич был также библиографом и библиофилом, одним из издателей и редакторов журнала «Старые годы» [Острой 1991: 176], написал несколько книг на тему искусствоведческой библиографии [Верещагин 1898, 1902, 1908, 1911–1913, 1913]. Будучи люби-

телем старины и бывшим гофмейстером, хорошо знавшим имущество Зимнего дворца, Верещагин прекрасно соответствовал новой должности. Кроме того, определенную роль в выборе именно Верещагина, возможно, сыграл тот факт, что сестра Василия Андреевича была замужем за директором Эрмитажа Дмитрием Ивановичем Толстым.

Одним из помощников Василия Андреевича в Художественно-исторической комиссии стал Н.Г. Пиотровский.

Николай Грацианович Пиотровский родился в 1874 г. в Умани. После окончания Археологического института в Петербурге работал в Киеве у известного искусствоведа Ханенко, для музея которого собирал коллекции, участвуя в экспедициях по Сибири и Дальнему Востоку. Он был почетным членом Санкт-Петербургского Археологического института. С 1914 по 1919 гг. работал над изучением надгробий на русских кладбищах.

Основными задачами членов Художественно-исторической комиссии на этом этапе стали описание, учет и сохранение в первую очередь имущества Зимнего дворца. Это было далеко не просто, поскольку в это время в бывшей императорской резиденции располагались Временное правительство, а также охранявшие его воинские части и юнкера. Как отмечают Г. Миролюбова и Л. Тарасова, сотрудники комиссии нашли, что в Зимнем дворце «все было заплевано и загажено, и даже на мраморных статуях висели для просушки полотенца» (цит. по: [Миролюбова, Тарасова 2001: 95]). Бывший в это время директором Эрмитажа граф Д.И. Толстой охарактеризовал военную охрану Временного правительства как плохо дисциплинированную, но не буйную: «Вели себя очень непринужденно, курили, плевали на пол, развели порядочную грязь, порой играли в карты, но не буянили и особенно не шумели» (цит. по: [Блинов 1992]). Еще до октябрьских событий, по свидетельству служителей дворца, «были неоднократные попытки некоторых представителей дворцового караула проникнуть ночью в те запертые помещения дворца, в коих хранятся принятые комиссией драгоценности» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 10].

Кроме работы в главном дворце бывшей империи, сотрудники комиссии занимались описанием и фотографированием⁴ имущества Елагиноостровского дворца, Летнего дворца Петра I⁵, Часовни Спасителя на Петроградской стороне⁶ [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–20]. В их обязанности входило только наблюдение за имуществом бывшей царской семьи.

В это же время возникают художественно-исторические комиссии в бывших императорских загородных резиденциях Царском Селе, Гатчине. Эти художественно-исторические комиссии на данном этапе были полностью самостоятельны.

Сложная обстановка в стране вносила постоянные изменения в деятельность только еще формирующихся структур охраны памятников. Осенью 1917 г. Временное правительство, опасаясь наступления немцев на Петроград, предписало художественно-историческим комиссиям приступить к эвакуации ценностей из Петрограда и его окрестностей в Москву. Часть памятников была отправлена, часть упакована, но не отправлена— страну ждали новые перемены.

«26 (ст. ст. — Д.И.) Октября 1917 г., в 11 ч. утра, Председатель Художественной Комиссии при Зимнем Дворце В.А. Верецагин и член Комиссии Н.Г. Пиотровский сделали попытку проникнуть в Зимний Дворец, но не смогли осуществить своего намерения, встретив препятствие со стороны воинских караулов, охранявших Дворец» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 22].

---

⁴ Фотофиксации памятников уделялось значительное внимание и позднее в 1918–1919 гг. Фотографом Музейного фонда был А.И. Функ [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2), позднее А.И. Гусаров.

⁵ В фотоархиве ИИМК РАН находятся фотографии Летнего дворца Петра I, выполненные фотографами Комиссии [АИИМК РАН. Ф. 4. III. 642. О. 3602.45. 91346 – П6408. О. 3609.60. 913622].

⁶ Часовня Христа Спасителя в домике Петра I.

«27 (ст.ст. — Д.И.) Октября, в 11 часов утра, члены Художественной Комиссии Б.А. Надеждин и Н.Г. Пиотровский были вызваны по телефону военным комендантом Дворца, корнетом Покровским, для участия в осмотре учиненного разгрома, в присутствии Комиссара Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Г.С. Ятманова» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 22].

В дальнейшем Григорий Степанович Ятманов сыграл видную роль в деле охраны памятников и в развитии музеев в Советской России и Советском Союзе. Комиссар, окончивший саратовское Боголюбовское художественное училище [Жуков 2005: 160], писавший до революции иконостас в Новодевичьем монастыре [Бенуа 2006: 510], Ятманов, возглавлял Петроградский (позднее — Ленинградский) Отдел по делам музеев и охране памятников до 1927 г., затем был инспектором музейных учреждений Ленинграда и его пригородов [Жуков 2005: 162]. Петербургский КГИОП считает Г.С. Ятманова одним из своих основоположников [История КГИОП 2015]. Д.И. Толстой, оставивший едкую, несколько даже карикатурную характеристику комиссара, отмечал при этом, что он был неглупым и «производил впечатление человека осторожного, работающего с большевиками, но с оглядкой» (цит. по: [Блинов 1992]).

Для оценки ущерба был приглашен и Александр Бенуа [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 22], смотревший на Ятманова снисходительно, но признававший, что тот был не авантюристом, а человеком честным и преданным делу, хотя и походил на театрального приспешника Пугачева [Бенуа 2006: 189]. Эта примечательная компания из «певца Людовиков» Бенуа [Эрнст 2004: 7], неглупого, но лишеного какого-либо лоска комиссара Ятманова, еще одного комиссара Бернгарда Давидовича Мандельбаума, заведующего бывшей Собственной Его Величества Библиотекой Василия Васильевича Гельмерсена и членов Художественно-исторической комиссии приступила к осмотру дворца. Они не только попытались оценить утраты, но и составили довольно любопыт-

ный список улик, оставленных «посетителями» — два штыка австрийского образца, которыми взламывали помещения; 17 социалистических брошюр, сочинения В. Либкнехта «Пауки и Мухи»; два погона защитного цвета с одной звездочкой; черновик социал-революционной резолюции села Россоши Воронежской губернии на имя А.Ф. Керенского; часть красного знамени с надписью «да здравствует революция»; письмо из Корсуни от 13 октября 1917 г., которое начиналось словами: «Здравствуй Венка», и заканчивалось подписью «Аня» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 25]. Так, осматривая повреждения имущества и здания дворца, члены комиссии встретили Октябрьский переворот, поставивший сразу несколько очень сложных вопросов: сотрудничать ли с новой властью, нужна ли сама Художественная комиссия этой власти, тем более что 30 октября 1917 г. был национализирован Зимний дворец [Музейное дело 2003: 132].

На ноябрьском заседании В.А. Верещагин в присутствии народного комиссара А.В. Луначарского и комиссара Зимнего дворца В.В. Игнатова⁷ заявил, что члены комиссии готовы остаться на своих постах, хотя они не разделяют политические убеждения Советов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 60].

Причем Василий Андреевич не разделял эти убеждения не просто искренне, но и, насколько это позволяли обстоятельства, открыто. Чуть позднее, в декабре 1917 г., Бенуа запишет в своем дневнике о Верещагине: «Бедняга совсем раскис. Он люто ненавидит большевиков. Я догадываюсь, что его служба — главным образом вопрос денег» [Бенуа 2006: 573]. Луначарский не только согласился продлить полномочия комиссии, но и высказал идею об объединении в ее составе всех остальных «Художественных комиссий пригородных к Петрограду местностей» [ЦГАЛИ.

---

⁷ Василий Васильевич Игнатов (1884–1938) — актер, активный участник революционного движения, о котором А.Н. Бенуа пишет, что «о нем у меня осталась самая смутная память. Мне кажется, он сам был несколько перепуган столь неожиданным для него самого назначением, и держался он, скорее, как-то в стороне» [Бенуа 2006: 191].

Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 61]. Это объединение носило на данном этапе скорее формальный характер, сотрудников было мало, а объем работы — очень большой. Все продолжали заниматься решением конкретных вопросов на местах, проводя иногда совместные заседания.

В ноябре 1917 г. В.А. Верещагин совместно с Петроградским столичным управлением уголовного розыска приступил к поиску похищенных из Зимнего дворца 25–27 октября ценностей. Сыщикам удалось найти коллекцию медалей, украденную из Малой Библиотеки в покоях Александра II, которая была передана на хранение библиотекарю Василию Васильевичу Гельмерсену [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 16. Л. 58, 62].

Судя по ведомости за декабрь 1917 г., штат был незначительно увеличен. Теперь в Художественно-исторической комиссии числились В.А. Верещагин (председатель), Н.Г. Пиотровский (член комиссии, помощник председателя), Б.А. Надеждин (член комиссии, помощник председателя), С.Р. Эрнст (член комиссии), А.А. Труханов (делопроизводитель), М.К. Ясинская (переписчица) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 76]. **Появление в комиссии искусствоведа Сергея Ростиславовича Эрнста, по всей видимости, было связано с влиянием Александра Бенуа, с которым Эрнст был очень хорошо знаком. Бенуа называл Эрнста «Казанова всех наших дев» [Бенуа 2006: 213]. Сам Александр Николаевич, являвшийся, по мнению Эрнста, «вождем и кормчим нашего искусства» [Эрнст 2004: 7], принимал участие в заседаниях комиссии исключительно в качестве приглашенного лица, как и другой утонченный эстет, коллекционер Владимир Николаевич Аргутинский-Долгоруков.**

Одной из главных проблем в 1917 г. стал **«украинский вопрос»**. А.В. Луначарский, по ходатайству Украинской Рады, решил изъятие из Эрмитажа исторических предметов, относящихся к Гетманской Украине и Запорожью. По мнению народного комиссара, для музея эти памятники не имеют большой культурно-исторической ценности, но их передача имела бы большое политическое значение [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1.

Л. 62–63]. Комиссия выступила резко против такой передачи, указав также на возможные претензии Польши вслед за Украиной [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 80]. О том, что это за столь необходимые Украине реликвии, пишет Д.И. Толстой: «В действительности у нас никаких “регалий” не находилось: была гетманская булава, сомнительной достоверности, приобретенная, кажется, при Николае I, запорожская пушка, несколько запорожских знамен, когда-то найденных в м. Смеле у графа Бобринского и поднесенных им Государю, и еще несколько совсем незначительных предметов» (цит. по: [Блинов 1992]). Однако сама возможность передачи каких-либо предметов из Эрмитажа была воспринята как руководством музея, так и Художественно-исторической комиссией с большой тревогой.

17 ноября (ст. ст. — Д.И.) 1917 г. на совместном заседании Петроградской и Пригородных комиссий (гатчинской, царско-сельской) было принято заявление по поводу возможных перемещений музейных ценностей.

«1. В основе жизни государственных музеев лежит принцип их неприкосновенности (здесь и далее курсив мой. — Д.И.).

2. Среди таких музеев Эрмитаж занимает исключительное место центральной русской сокровищницы мирового значения.

3. Сделавшись отныне неотъемлемым достоянием народа, Эрмитаж имеет своим хозяином весь народ в его целом, выразителем воли которого ныне является Учредительное Собрание.

4. Всякое мероприятие, до отчуждения музейных сокровищ относящееся, хотя бы и вызываемое вескими политическими соображениями, но предвосхищающее волю Учредительного Собрания, является неправомерным» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 65].

Отвечая на претензии Украинской народной республики, поддержанные Лениным и Луначарским, Художественно-истори-

ческие комиссии в 1917 г. четко обозначили недопустимость изъятия предметов из музеев и дворцов и заявили о неприкосновенности государственных музеев.

Важным было и решение новой власти о приостановке эвакуации памятников искусства в Москву, где в ноябре 1917 г. Московский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов также образовал Комиссию по охране памятников искусства и древностей. Первоначально комиссия занималась организацией охраны памятников Кремля и учетом находившихся в нем музейных ценностей. Комиссаром Кремля 26 ноября был назначен Казимир Малевич [Жуков 2005: 41]. В 1918 г. полномочия Московской комиссии были расширены до Москвы, Подмосковья и провинции [Равикович 1988: 21].

Расширение новой музейной структуры, в ведение которой попадали все новые и новые памятники, проходило в условиях продолжавшегося наступления немецких войск на Петроград, начала Гражданской войны, тяжелейшего социально-экономического кризиса, а самое главное — общей неопределенности (страна перестала быть прежней, но еще не стала новой — Советской).

Кружок любителей искусства

Зоя. Брось, Аметистов! Где ты шатался семь лет?

Аметистов. Эх, кузина! В девятнадцатом году в Чернигове я отделом искусств заведовал...

Зоя расхохоталась

М.А. Булгаков «Зойкина квартира»

В первые месяцы после Октября, когда официальное письмо могло начинаться словами «Милостивый Государь Народный Комиссар», а подпись включать титул, согласие продолжить работу при новой власти поставило членов комиссии в сложное положение. В одной из петроградских газет появилась статья «Государ-

ственный Художественный Совет», в которой Верещагин был назван «верным слугой большевиков» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 1]. В ответе редактору издания Василий Андреевич написал: «Как я, так и лица, одинаково со мной мыслящие, как например Александр Бенуа, П.П. Вейнер, гр. В.П. Зубов⁸, Г.К. Лукомский⁹, А.А. Половцов¹⁰ и др., продолжаем работать, являясь действи-

---

⁸ Граф Валентин Платонович Зубов (1884–1969) — представитель одного из самых известных аристократических родов России. Учился сначала в Петербургском университете, потом в немецких университетах. В 1913 г. в Берлине ему была присвоена степень доктора философии. В 1917 г. возглавил Гатчинскую художественно-историческую комиссию. Затем стал директором Гатчинского дворца-музея. В 1925 г. В.П. Зубов уехал из России. В эмиграции продолжил заниматься научной работой. О В.П. Зубове см.: [Семенов 2018].

⁹ Георгий Крескентьевич Лукомский (1884–1952) — художник, критик, историк архитектуры. До революции принимал участие в работе Музея Старого Петербурга. В 1917 г. возглавил Царскосельскую художественно-историческую комиссию. В ноябре 1918 г. уехал в Киев, где возглавил музей, созданный на основе частной коллекции Б.И. Ханенко. Затем перебрался в Крым, в 1920 г. — в Константинополь. Позднее жил в Германии, Франции, Англии. О Г.К. Лукомском см.: [Ботт 2005; Ходасевич 2005].

¹⁰ Александр Александрович Половцов-младший (1867–1944) — дипломат, этнограф и коллекционер. В 1896 г. был командирован Министерством внутренних дел в Ташкент. В это время секретарем Половцова стал другой известный ученый-этнограф Михаил Степанович Андреев. Будучи сотрудником МВД, А.А. Половцов совершил множество поездок по Туркестану и Закавказью. Позднее перешел на работу в Министерство иностранных дел. В 1906–1907 гг. был генеральным консулом в Бомбее. Много сделал для пополнения восточных коллекций Музея художественной школы барона Штигилица. В 1917 г. возглавил эту школу и музей. Был членом Гатчинской художественно-исторической комиссии. В ноябре 1917 г. стал первым директором Павловского дворца-музея. В 1918 г. пешком ушел в Финляндию, откуда отправился во Францию и открыл антикварный магазин в Париже. А.А. Половцову совместно с М.С. Андреевым принадлежит работа по этнографии иранских племен Средней Азии [Андреев, Половцов 1911].

тельно «верными слугами», но не какой бы то ни было политической партии, как утверждает это автор заметки, а тех идеалов, которым мы всегда отводили самое почетное место — идеалов искусства» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 1 об.].

Служить этим идеалам предстояло в условиях, когда сотрудники комиссии не могли угодить никому.

Для красных они — «старые интеллигенты», всецело поддерживавшие ходатайство бывшего великого князя Николая Михайловича о выдаче ему некоторых исторических сочинений, необходимых для его изысканий» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 114]. И, вообще, скорее всего, просто стерегут имущество старых хозяев. Возможно, что мнение о «сторожах царского добра» имело основание. Бенуа в дневнике записал, что еще 7 марта 1917 г. услышал от Верещагина первые призывы к восстановлению монархии, и даже лично Николая II [Бенуа 2006: 149].

Для белых они — отступники, сотрудничающие с большевиками, разворовывающими страну: комиссары В.А. Карелин и Ю.Н. Флаксерман вывезли из Зимнего дворца четыре повозки мебели. Сделали они это без согласования с Художественной комиссией, выразившей свой протест [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 23 об.], но мебель уже была увезена и объявлена не имеющей ни исторического, ни музейного значения. А четкого понимания того, что действительно является памятником, не было даже у самих членов комиссии.

Для части творческой интеллигенции они — хранители ветхой старины, мешающей становлению нового самобытного искусства. Обращаясь и к ним в том числе, В.В. Маяковский напишет стихотворение «Той стороне»

«Характер различен.
За целость Венеры вы
Готовы щадить веков камарилью.
Вселенский пожар размочалил нервы.
Орете:
«Пожарных!»

Горит Мурильо!»
А мы —
Не Корнелия с каким-то Расином—
отца, —
предложи на старье меняться, —
мы
и его
обольем керосином».

В январе 1918 г. в газете левых эсеров «Знамя Труда» Александр Блок опубликовал статью «Интеллигенция и революция»: «Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не все потеряет. Дворец разрушаемый — не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, — не кремль. Царь, сам свалившийся с престола, — не царь. Кремли у нас в сердце, цари — в голове. Вечные формы, нам открывшиеся, отнимаются только вместе с сердцем и с головой» [Знамя. 1918. № 122: 3]. Сам поэт подчеркивал: «Считаю долгом оговорить заранее, что я никогда не подходил к вопросу с социологической, а тем более с политической стороны. Тема моя, если можно так выразиться, музыкальная (конечно, не в специальном значении этого слова)» [Знамя. 1918. № 122: 2]. Это выступление Блока было неоднозначно, даже болезненно воспринято многими современниками, тем более что горячих голов, готовых воспринять слова знаменитого и крайне популярного поэта не в музыкальном, а в прямом смысле слова, хватало.

В.И. Ерыкалов позже написал, что они испытывали давление со стороны как собственников, у которых отбирались вещи, так и сторонников уничтожения этих предметов «из ложно понятого принципа разрушения старого» [Ерыкалов 1924: 2]. А. Бенуа в дневнике эмоционально отметит: «Теперь все возможно, вплоть до аутодафе всех Рембрантов или всех религиозных картин» [Бенуа 2006: 555].

В это время вокруг Верещагина собирается группа людей, готовых заниматься вопросами охраны памятников и музейным

делом даже в таких непростых условиях. Причины, по которым большинство из них стало членами Художественно-исторической комиссии, были, по всей видимости, чисто меркантильными: для многих представителей дворянства и интеллигенции работа в различных отделах искусств, музеях становится единственной возможностью выжить в годы военного коммунизма. Так, с 1918 по 1920 г. в Музее Города в Аничковом дворце работала мать «черного барона» М.Д. Врангель¹¹.

В феврале — марте 1918 г. **внештатным сотрудником** Художественно-исторической комиссии был сын директора Эрмитажа и племянник Верещагина Андрей Дмитриевич Толстой [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 133 об.], сражавшийся потом в рядах Белой гвардии. Уполномоченным-хранителем Морского музея и Музыкального музея в память Александра III Верещагин назначил княжну Елену Александровну Щербатову [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 21].

Служба давала возможность избежать мобилизации в окопные батальоны [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 65], обязательной для них согласно декрету-воззванию СНК «Социалистическое отечество в опасности!»: «В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся — расстреливать» [Декреты 1957: 490–491]. До 15 марта 1918 г. состоял в Комиссии Виктор Борисович Шкловский [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 101]. **Их пребывание в Комиссии имело временный**, у некоторых даже почти мимолетный характер (Толстой, Щербатова, Шкловский довольно скоро покинут как Комиссию, так и Петроград), но одновременно формировался и состав постоянный из людей, готовых серьезно заниматься сохранением раритетов.

---

¹¹ Мать известного белого генерала Петра Николаевича Врангеля, а также искусствоведа, сотрудника Императорского Эрмитажа Николая Николаевича Врангеля. С 1918 по 1920 г. работала в Музее города. В октябре 1920 г. на парусной рыбацкой лодке бежала в Финляндию.

К маю 1918 г. Комиссия насчитывала девять человек основного состава и десять человек по дополнительному штату [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1а. Л. 2 об.]. Эти 19 человек составили крайне примечательную группу, объединившую столь неординарных людей, что по крайней мере о некоторых из них следует сказать особо.

Основу этой группы составил своеобразный «кружок», сформировавшийся еще даже не в дореволюционном Петрограде, а в Петербурге вокруг журнала «Старые годы» (одним из издателей и редакторов которого был В.А. Верещагин), Музея Старого Петербурга и художественного объединения «Мир искусства». Членом совета «Музея Старого Петербурга» с 1907 г. был В.Я. Курбатов¹² [Петрова 2014: 297], ставший в 1918 г. членом комиссии «по дополнительному штату». С журналом «Старые годы» были связаны новые сотрудники Н.А. Габилев и П.П. Вейнер¹³, последний также активно участвовал в работе Музея Старого Петербурга. К этому кругу примыкал и первый директор Государственного Эрмитажа С.Н. Тройницкий. В состав комиссии входил художник Вениамин Павлович Белкин, до революции принимавший участие в петроградских и московских выставках «Мира искусства», рисовавший для журналов «Аполлон» и «Сатирикон». В 1918 г. участвовал в выставке современной живописи

---

¹² Владимир Яковлевич Курбатов (1878–1957) — историк искусства и архитектуры, химик, инженер-технолог. В 1900 г. окончил физико-математический факультет Петербургского университета. С 1909 г. член дирекции Музея Старого Петербурга. Был заместителем директора Музея Города и возглавлял Отдел садово-паркового искусства. Читал в Музее Города бесплатные лекции. Автор нескольких работ по истории Петербурга и пригородов [Курбатов 1912, 1914, 1915, 1925]. Написал книгу о Музее города [Курбатов 1928]. О нем см.: [Аксельрод 1994].

¹³ Петр Петрович Вейнер (1879–1931) — создатель и редактор журнала «Старые Годы» (1907–1916), один из основателей Музея Старого Петербурга. В 1917 г. — член Гатчинской художественно-исторической комиссии. Был выслан на Урал. В 1928 г. вернулся в Ленинград и работал в Эрмитаже. В 1930 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Расстрелян в 1931 г. О нем см.: [Минкина 1997].

и рисунка, в 1919 в Первой свободной выставке произведений искусства в Петрограде.

Особое место в комиссии занимали две женщины— В.А. Гайковская (Нечай-Гайковская), революционерка, примыкавшая сначала к левым эсерам, но вступившая в РКП в дни Октября [Памятник борцам 2014] и ставшая помощником комиссара по охране дворцов, членом комитета по принудительному отчуждению помещений, и А.Н. Армадерева (Якоби), жена Г.А. Армадерева¹⁴, бывшего царского офицера, а затем красного командира.

Наконец особую группу составили несколько новых сотрудников, которые, будучи в старой России коллекционерами и любителями старины, в советское время стали профессиональными музейными работниками, во многом сформировавшими основы современного отечественного музейного дела — М.Д. Филосов, П.П. Вейнер, Ф.Ф. Нотгафт, В.Ф. Левинсон-Лессинг.

Федор Федорович Нотгафт¹⁵ родился 6 июня 1886 г. в Петербурге. После окончания училища св. Петра в 1908 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Примерно в это же время он увлекся коллекционированием живописи [Левинсон-Лессинг 1962: 7]. Это увлечение скоро перерастет в страсть, определившую его дальнейшую судьбу. В 1909 г. он обратился к Б.М. Кустодиеву с просьбой написать портрет его жены Р.И. Нотгафт; так началась дружба художника и коллекционера.

В 1910 г. он познакомился с М.В. Добужинским и А.Н. Бенуа¹⁶. В 1911 г. начинает активно собирать работы К.С. Петрова-Водкина. В 1913 г. Кустодиев написал еще один портрет жены Нотгафта.

---

¹⁴ Георгий Александрович Армадерева (1888–1956) — выпускник Павловского военного училища (1909 г.), участник Первой мировой войны. В 1918 г. вступил в РККА, один из организаторов ВОХР. В 1941 г. арестован, освобожден досрочно в 1954 г., в 1955 г. реабилитирован.

¹⁵ В документах Художественно-исторической комиссии его фамилия записана как Нотгафт.

¹⁶ Именно А.Н. Бенуа, стоявший у истоков Художественно-исторической комиссии, приведет в нее на работу Ф.Ф. Нотгафта.

В качестве сотрудника комиссии он принимал участие в создании Строгановского дворца-музея, по которому, совместно с К.В. Тревер, написал путеводитель [Строгановский 1922]. В январе 1919 г. поступил на должность хранителя отделения французского и английского искусства в Эрмитаж. Занимался отбором картин для Эрмитажа в Музейном фонде и загородных дворцах [Левинсон-Лессинг 1962: 8]. С 1919 по 1921 г. — секретарь художественного отдела Ленинградского дома искусств, где организовывал выставки Б.М. Кустодиева, К.С. Петрова-Водкина. В 1921–1923 гг. — секретарь общества «Мир искусства» и организатор его последних выставок, а также один из учредителей издательства «Аквилон» [Левинсон-Лессинг 1962: 11]. Это издательство отличалось изданием книг небольшими тиражами, доступной ценой и сотрудничеством с прекрасными художниками-иллюстраторами. В нем выходят табель-календарь на 1922 г. с литографиями Кустодиева, «Белые ночи» Достоевского, «Бедная Лиза» Карамзина, «Скупой рыцарь» Пушкина с иллюстрациями Добужинского и т. д. В 1925 г. **Ф.Ф. Нотгафт возглавляет художественную часть ленинградского отделения Госиздата** [Левинсон-Лессинг 1962: 11]. Федор Федорович умер в блокадном Ленинграде в 1942 г. После его смерти собранная им коллекция поступила в Эрмитаж.

В 1918 г. в Комиссии по охране памятников **Ф.Ф. Нотгафт** познакомился с другим ее сотрудником, В.Ф. Левинсон-Лессингом.

Владимир Францевич Левинсон-Лессинг родился 2 марта 1893 г. в городе Юрьев (Тарту, Эстония) в семье профессора Юрьевского университета. В 1902 г. Левинсон-Лессинги переехали в Петербург. В 1916 г. Владимир Францевич закончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Музейную деятельность начал в 1918 г. в Комиссии по охране памятников, продолжил в 1919 г. в Русском музее. В 1921 г. пришел на работу в Эрмитаж, в котором проработал до конца своей жизни [Кантор 2003: 183]. С 1924 по 1926 г. совмещал работу в Эрмитаже с должностью хранителя Ораниенбаумского дворца-музея. В 1928–1933 гг. был членом экспертно-закупочной комиссии при

объединении «Антиквариат». С 1936 по 1938 г. он был также научным сотрудником Научно-исследовательского института живописи, скульптуры и графики Академии художеств. В 1938 г. ему по совокупности работ была присуждена степень кандидата исторических наук. В годы войны он возглавлял филиал Эрмитажа в Свердловске, куда были отправлены основные коллекции музея, а в 1945 г. руководил их реэвакуацией. С 1956 г. — заместитель директора Эрмитажа по научной работе. В.Ф. Левинсоном-Лессингом написана «История Картиной галереи Эрмитажа» [Левинсон-Лессинг 1985]. Скончался в 1972 г. и похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища в Петербурге.

Это были не просто люди одного круга, это были люди одного «кружка» дореволюционных собирателей и любителей искусства и старины.

11 мая 1918 г. члены Комиссии решили выделить часть сада Зимнего дворца под площадку для детского сада на Галерной 25 [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1а. Л. 21]. Это было одно из их первых решений в условиях военного коммунизма.

В условиях военного коммунизма 1918–1920

Большевистская Россия является раем для искусства и музеев. Там, может быть, и нет хлеба, но русский пролетарий утоляет свой голод Бетховеном и проводит свои ежедневные духовные обеды и ужины во дворцах и музеях. К сожалению, у меня нет непосредственной информации из России, которая могла бы мне проверить эти утверждения.

М.И. Ростовцев. «Русское искусство и большевики»

В Петрограде стояли пустующие, покинутые прежними владельцами дворцы и особняки. 23 февраля 1918 г., в день создания Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Н.Г. Пиотровский предло-

жил на зданиях, имеющих историческое значение, наклеивать специальные плакаты [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 20 об.]. А что делать с оставленным в этих домах имуществом? И кому оно теперь принадлежит? Комиссия решила по возможности оставлять художественные ценности у частных лиц, если таковые еще проживали по своим дореволюционным адресам, выдавая им охранные свидетельства [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 19 об.].

2 марта 1918 г. заявления с просьбами поставить дома на охрану подали профессор Петроградского археологического института Н.П. Лихачев и Т.П. Мятлева [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 62]. 30 апреля Н.Г. Пиотровский был назначен хранителем библиотеки и музея древней письменности профессора Лихачева. Парадная часть дома Мятлевых будет передана Музею Старого Петербурга [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 6], а затем Отделу Изобразительный искусств Наркомпроса¹⁷.

Сложнее было с дворцами, оставленными хозяевами. Их либо опечатавали, либо изымали и перевозили ценности в Бюро (склады.—Д.И.) комиссии, находившееся в Зимнем дворце, а иногда сразу передавали музеям [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 19 об.]. За год было выдано 250 охранных грамот, а на склады отправлено свыше 8000 предметов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 20].

10 марта 1918 г. с расположенной на окраине Петрограда станции «Цветочная» в Москву отбыл поезд с членами советского правительства. В первопрестольной в это время вокруг охраны па-

---

¹⁷ Созданный 22 мая 1918 г. Отдел искусств Наркомпроса сразу же попытался получить для себя какой-нибудь из петроградских особняков. Сначала попробовали внести перемены в составе управления Строгановского дворца [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1а. Л. 4], однако Музейному фонду удалось отстоять его за собой. В 1919 г. Отделу Изобразительных искусств, членом Художественной коллегии которого был Казимир Малевич, достался дом Мятлевых на Исаакиевской площади [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 33]. В 1921 г. левыми художниками в нем был организован Музей художественной культуры, а после переезда в Петроград Малевича с группой учеников — Государственный институт художественной культуры, ставший одним из центров русского авангарда.

мятников разворачивалась борьба группы Грабаря и комиссии из художников-передвижников (С.Ю. Жуковского, В.Н. Мешкова). Грабарь, по утверждению автора обстоятельного доклада «О положении дел охраны в Москве», написанного для Художественно-исторической комиссии при Зимнем дворце, обвинял передвижников в халатности, по которой произошло разграбление патриаршей ризницы [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 149]. Автор письма увидел «со стороны комиссии много доброй воли в охране частных коллекций и вообще много прекрасных начинаний, но полное не умение взяться за дело и бесконечное московское разгильдяйство» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 149 — 149 об.].

28 мая 1918 г. организован Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины [Равикович 1988: 22]. Во главе этого Отдела встала революционерка Н.И. Седова-Троцкая [Музейное 2003: 131], жена Л.Д. Троцкого, во многом определившая становление и развитие музейного дела, охраны памятников, общего отношения к культурно-историческим артефактам в Советской России и СССР. Ниже мы будем еще несколько раз обращаться к ее программной статье «Музейное строительство и революция», опубликованной в 1926 г. Седова-Троцкая — ключевая фигура начинавшегося процесса превращения в музеи дворцов и храмов, а также массового перемещения экспонатов.

Уже в июне была определена новая цель работы — «сосредоточение художественного и исторического имущества как национального достояния в руках государства» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 2]. С этого момента начинается формирование Государственного музейного фонда, который будет вовлечен во все процессы охраны памятников и музейного строительства, от осмотра кладбищ и фотосъемки примечательных исторических надгробий¹⁸ [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 3] до работы с антикварами и перераспределения художественных ценностей.

---

¹⁸ В Архиве ИИМК РАН имеются негативы некрополей [АИИМК П 5908.Q30.56. 90678 – П 6350.91287], выполненные фотографиями Музейного фонда.

18 июня 1918 г. был сформирован Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РСФСР, который возглавил А.В. Луначарский. При Наркомпросе организована Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины [Равикович 1988: 21]. Членами коллегии стали И.Э. Грабарь¹⁹, хранители Румянцевского музея²⁰ Н.И. Романов и Т.Г. Трапезников, сотрудник Третьяковской галереи Н.Г. Машковцев. В борьбе с передвижниками победила группа Грабаря, бывшего к тому же в хороших отношениях с Н.И. Седовой-Троцкой. Вопросы охраны культурных ценностей и музейного дела теперь находились в ведении Наркомпроса, а Художественно-историческая комиссия в 1918 г. стала называться Художественной комиссией по охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР.

Советское правительство рядом постановлений четко указало, что произведения искусства, у кого бы они ни находились, отныне являются собственностью государства.

19 сентября В.И. Лениным подписан Декрет о запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения [Рупасов 2012: 35]. Экспертная оценка вывозимого антиквариата была возложена на Художественную комиссию, которая в 1918 г. дала 45 разрешений, отказала в двух ходатайствах, задержала 48 картин [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 13].

10 ноября в «Северной Коммуне» был опубликован декрет об обязательной регистрации частными лицами художественных ценностей. Учет имевшихся памятников производился уже не только во дворцах, большинство из которых было брошено вла-

---

¹⁹ Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) — художник, искусствовед, музейный деятель, действительный член АН СССР (1943), действительный член Академии художеств СССР (1947).

²⁰ Один из крупнейших музеев России XIX — первой четверти XX в. Сформировался на основе коллекции графа Н.П. Румянцева (1754–1826). Сначала располагался в Петербурге, в 1861 г. был переведен в Москву. Ликвидирован в 1924 г. О судьбе коллекций Румянцевского музея см. ниже.

дельцами, он начал носить всеобщий характер, коснувшись всех частных собраний. С 1918 г. сотрудниками проводилось планомерное обследование Петрограда по районам с целью выявления предметов, представлявших художественную ценность. Город был поделен на семь районов, каждый из которых курировал Уполномоченный [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 44].

В ноябре 1918 г. Художественная комиссия в Петрограде была переименована в Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины, которым установлен надзор над антикварным рынком [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 2]. Возглавил Отдел народный комиссар В.И. Ерыкалов. Василий Иванович Ерыкалов — фигура загадочная. На данный момент мы даже не можем привести точные даты его жизни, хотя он занимал руководящие посты с ноября 1917 г., в марте — октябре 1918 г. был комиссаром Аничкова дворца, с 1918 по 1925 г. возглавлял Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда.

Любопытно также, что, являясь заведующим Отделом по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины, В.И. Ерыкалов редко председательствовал на многочисленных заседаниях Отдела. Обычно вели заседания либо Б.А. Надеждин, либо М.Д. Философов. Можно только достаточно уверенно сказать, что Ерыкалов был «новым» человеком, чья административная деятельность началась после Октябрьского переворота. В то же время большинство сотрудников составляли «старые» кадры, а В.А. Верещагин продолжил работу в Отделе уже в качестве эксперта.

23 января 1919 г. уполномоченным по учету антикваров и коммиссионных контор был назначен В.С. Спирин [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 8 об.].

10 февраля было принято решение: «1) Предложить всем зарегистрировавшимся антикварам: а) предоставить в двухнедельный срок списки имеющихся у них художественных ценностей и списки купленных и проданных ими в период с 10 ноября (день выхода декрета об обязательной регистрации. — Д.И.); б) вести

впредь книги покупаемых и продаваемых предметов художественно-исторического значения с кратким описанием вещей и указанием лиц, продающих и покупающих эти предметы и их адресов. 2) Сообщить районным комендатурам не зарегистрировавшихся антикваров, с предложением опечатать их магазины» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 14].

Петроград превращался в огромный антикварный рынок. Иногда продавали сами хозяева, вынужденные к этому голодом, иногда воры и мародеры. **Ситуация усугублялась тем, что значительное количество квартир, домов, особняков стали занимать разные учреждения.** В лучшем случае их руководители ультимативно требовали перемещения произведений искусства. 3 февраля 1919 г. Коммунистическая фракция 6-го Латышского стрелкового полка потребовала немедленно освободить от художественных ценностей квартиру Капниста в доме № 12 по Английской набережной, предназначенную для нужд клуба фракции [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 12]. В худшем — они весьма вольно распоряжались доверенными им раритетами. **Когда было принято решение о передаче ковров с дачи Фаберже, вывезенных ранее в помещения уездного Совдепа, Русскому музею, выяснилось, что ковры придется разыскивать** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 27]. **Зачастую крупногабаритные экспонаты просто невозможно было вывезти.** Так, в ноябре 1919 г., в связи с занятием дома Шарлье на Полюстровской набережной Пролеткультом, легко перевозимые предметы были доставлены в Музейный фонд, а большой гобелен было решено оставить на хранение тому учреждению, которому передан дом [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 45 об. — 46].

Значительное количество подлинных шедевров было спрятано бывшими владельцами в тайниках или упаковано и оставлено в самых неожиданных местах, но расположенных, по странному стечению обстоятельств, чаще всего рядом с железнодорожными станциями.

25 февраля 1919 г. эксперт А.С. Замков и уполномоченная Е.П. Тераевич осмотрели на складах Николаевской железной

дороги на станции Охта — Навалочная пять ящиков, сданных Российским Транспортным Обществом для отправки в Ростов-на-Дону и оставшихся не востребованными. В ящиках оказались картины, предположительно кисти Ван Дейка (Распятие), Мурильо²¹ (св. Антоний), Айвазовского (Бурный день)²², а также Френца, Стефановского и неизвестного художника [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 263. Л. 3]. На обороте первых двух картин имелись наклейки «Е.И.В. Георгия Максимилиановича» (Его Императорского Высочества Георгия Максимилиановича, 6-го герцога Лейхтенбергского. — Д.И.) и штемпель в виде кружка с короной и инициалами «Г.М.». На одной из картин Айвазовского была табличка с надписью на английском языке о том, что картина написана Айвазовским и принадлежит великой княгине Александре Петровне [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 263. Л. 3]. Осмотр был проведен в сильный мороз, в слабоосвещенных складских помещениях, поэтому служащие отметили, что произведения нуждаются в повторной экспертизе [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 263. Л. 3].

15 марта 1919 г. В.Л. Драке доложил об этой находке на заседании Отдела, указав, правда, что холсты происходят из коллекции великого князя Георгия Михайловича [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 23].

В феврале 1920 г. собрание Шехтмана было обнаружено на складах Черниговских холодильников²³ [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 81. Л. 7].

Мародерство и кражи, начавшиеся в 1917 г., продолжались и в годы военного коммунизма, несмотря на весьма эффективные действия ЧК и революционных трибуналов. Еще согласно «Декрету о суде» от 22 ноября 1917 г. мародерство и хищничество, наравне с саботажем и контрреволюцией, передавались на

---

²¹ В тексте документа Мурелос.

²² Видимо, была еще одна картина Айвазовского.

²³ Склады Хладкомбината № 1 на Черниговской улице рядом с железнодорожной станцией «Бадаевская». «Черниговский холодильник» под названием «Холодильник “Б”» функционирует до сих пор.

рассмотрение революционным трибуналам [Декреты 1957: 125]. Уличная торговля из-под полы дворцовым имуществом отражена у А.М. Ремизова:

«Навстречу солдат — столкнулись глазами. Солдат приостановился.

— Не хотите ли купить, товарищ, хорошая вещь, — наклонился, шепчет: — из дворца!» [Ремизов 2000: 183].

27 марта 1919 г. Отдел направил в ЧК обращение о розыске картин, похищенных из квартиры И.П. Балашева [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 27]. В этом же месяце **Верецагин остановил продажу** полотен кисти Рокотова и Венецианова в аукционном зале (Мойка, 61).

Сотрудниками Отдела в галерее Ауэра был обнаружен рисунок «Греза», похищенный из библиотеки Академии художеств. Рисунок был возвращен на место, а перед руководством Академии поставлен вопрос о степени охраны библиотеки [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 13].

24 апреля хранитель музея при Первом Кадетском корпусе сообщил, что неизвестные взломали печать Отдела; часть похищенного обнаружена в Коллективе Коммунистов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 33 об. — 34]. **Большое количество ценностей** попадало на аукционы города, поэтому было решено обязать комиссионные конторы оповещать Отдел для предварительной экспертизы произведений, выставляемых на торги [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 31 об.].

Разворовывали прямо на глазах сотрудников. 2 октября 1919 г. уполномоченный М.И. Михайлов доложил о злоупотреблении рабочих, присваивающих себе различные предметы во время работ по переноске и вывозу вещей [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 32 об. — 33].

В самом Бюро также случались повреждения произведений искусства: однажды был порван портрет кисти Брюллова. Этот случай стал поводом к новому постановлению: ответственность

за сохранность предмета несет сотрудник, производящий опись, а за экспонаты в целом — заведующий Бюро [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 37 — 37 об.]. Разработали также правила приема новых работников:

«а) новые служащие Отдела принимаются всегда на испытание, обычно на две недели. В случае необходимости срок испытания может быть продлен постановлением Совета;

б) в случае отрицательного отзыва о принимаемом со стороны хотя бы одного из участвующих в заседании Совета прием на испытание проводится закрытой баллотировкой;

в) окончательный прием (после испытания) производится всегда закрытой баллотировкой» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 34 об.].

14 марта 1919 г. по прошению был принят на службу В.А. Беклемишев [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 22 об.], 10 апреля экспертом по оружию утвержден И.П. Бачманов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 32].

В 1918 г. скульптор князь Сергей Александрович Ухтомский, проживавший в своем имении Звана (Званка) Весьегонского уезда Тверской губернии, был арестован ЧК. Выкупив себе свободу изготовлением гипсового бюста Карла Маркса [Ларин 2013], молодой скульптор, учившийся в Париже у Родена, приехал в Петроград, где поселился в «Доме искусств» (ДИСК) и устроился на службу в Отдел по охране памятников. Сергей Александрович был женат на Евгении Павловне Ухтомской (Корсаковой), занимавшейся переводами для известного петроградского издательства «Аквилон», соучредителем которого был Ф.Ф. Нотгафт, перешедший вместе с Эрнстом и Левинсоном-Лессингом в 1919 г. на работу в Эрмитаж [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 18 об., 21].

Увеличение объема работ и их разнообразие потребовали образования в Отделе пяти секций:

1. Архитектуры и церквей.

2. Живописи, скульптуры и прикладного искусства.
3. Библиотек и архивов.
4. Охраны и регистрации имущества в национализированных домах.
5. Охраны памятников вне Петрограда (Иногородняя) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 17].

Позднее, летом 1920 г., в составе Отдела появилась новая (шестая) секция — садово-парковая [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 60].

Основная работа по отбору, описанию и распределению раритетов легла на вторую секцию — «Живописи, скульптуры и прикладного искусства», которой до февраля 1919 г. руководил В.П. Зубов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 20 об.].

2 мая 1919 г. в Петрограде было объявлено военное положение. С территории Эстонии начиналось наступление Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича, поддерживаемое эстонскими частями и британским флотом. В результате весеннего наступления к началу июня войска Юденича вышли на подступы к Луге, Ропше, Гатчине, Красному Селу. 13 июня восстали гарнизоны форта «Красная Горка» и батареи «Серая Лошадь», но уже к 16 июня совместными действиями кораблей Красного Балтийского флота и береговых отрядов восстание было подавлено [Пухов 1939: 47–53]. Бунт морских крепостей привел к массовым арестам в Петрограде участников контрреволюционного подполья и изъятию агентами Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем большого количества боеприпасов.

15 июля начальник Внутренней Обороны Петрограда сообщил, что все оружие у частных лиц будет реквизироваться, охранные свидетельства Отдела памятников больше не действуют и все художественно-историческое и этнографическое оружие должно быть перевезено в музеи [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 302. Л. 3]: начиналась массовая экспроприация старинного оружия. В это время в Музей антропологии и этнографии от чекистов поступает значительное количество японских мечей, персидских

и турецких сабель, малайских крисов²⁴ и т. д. К 1920 г. экспертами будет осмотрено около 23 000 единиц оружия, вывезенного в Петропавловскую крепость и на Гороховую, 2²⁵ [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 62]. Отдел по охране памятников имел своего постоянного представителя при Петроградской ЧК. В 1919 г. им был скульптор Густав Иванович (Янович) Скильтер [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 48 об.]. ЧК предоставляла сотрудникам Отдела для осмотра имущество занятых квартир [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 62]. Совместно с чекистами обследовались здания посольств и миссий [ЦГАЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 397. Л. 62 об.].

Это взаимодействие не всегда было успешным для Музейного фонда. 11 декабря 1919 г. уполномоченный по Адмиралтейскому району М.И. Михайлов сообщил, что агентами ЧК конфисковано художественное серебро в доме Балашова. Правление Отдела поручило своему представителю при ЧК срочно запросить выдачу серебряных вещей. На полях этого документа имеется приписка: «Серебро от Чрезвычайной Комиссии получить не удалось, по сообщению ЧК, серебро вывезено из Петербурга» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 48 об.].

12 августа в Ревель из Гельсингфорса прибыл генерал Юденич [Корнатовский 2004: 275], назначенный Колчаком Главнокомандующим всеми русскими сухопутными, морскими вооруженными силами против большевиков на Северо-Западном фронте. Началась подготовка второго похода генерала Юденича на Петроград.

24 августа в Петрограде открылась Первая буддийская выставка, подготовленная видными востоковедами С.Ф. Ольденбургом²⁶

²⁴ Поступившее в МАЭ холодное оружие было разделено в музее по региональному принципу на восемь коллекций (№ 2718, 2719, 2720, 2721, 2723, 2724, 2729, 2753). См. Приложение 2.

²⁵ Адрес Петроградской ЧК.

²⁶ Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) — востоковед, индолог, Действительный член Академии наук (1908). С 1904 по 1929 г. — непреходящий секретарь Академии наук. В 1916 г. возглавил Азиатский музей. В 1917 г. был министром Народного просвещения Временного

и О.О. Розенбергом²⁷. Осенью во время наступления Юденича в буддийском храме в Петрограде была расквартирована воинская часть. Храм был разгромлен и разграблен. Похищены все серебряные и позолоченные предметы, разбита статуя Большого Будды²⁸ [Андреев 1992: 28].

20 октября Юденич взял Павловск и вышел на подступы к Петрограду. В городе большевиками объявлена всеобщая мобилизация. Многие сотрудники Отдела были призваны в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, сражаться с белогвардейцами отправились минимум 12 человек. Впрочем, работа в Отделе давала возможность избежать участия в боевых действиях: так, в отношении библиографа А.А. Войтова возбудили ходатайство об освобождении от службы в РККА [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 26].

Другие в буквальном смысле рвались в армию. Бывший комендант дворцов и сотрудник Отдела В.А. Гайковская служила агитработником на северо-западном фронте и одновременно трудилась на железной дороге, занимаясь ремонтом путей [Памятник борцам 2014]. В конце октября на Пулковских высотах шли ожесточенные бои за Петроград. 23 октября в связи с тревожным положением на фронте пришлось установить особое наблюдение за Зимним дворцом силами сотрудников [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 38].

30 октября чекисты арестовали В.А. Верещагина в качестве заложника. Правление Отдела обратилось к Луначарскому с ходатайством об освобождении Верещагина, официальное письмо

правительства. С 1918 г. активно сотрудничал с Советской властью. С 1930 по 1934 г. возглавлял Институт востоковедения АН СССР. Об Ольденбурге см.: [Каганович 2006].

²⁷ Оттон Оттонович Розенберг (1888–1919?) – востоковед, буддолог, приват-доцент Петроградского университета. О Розенберге см.: [Игнатович 1991].

²⁸ В послереволюционной судьбе буддийского храма в Петербурге также принимал участие Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины (Музейный фонд). См.: [Иванов 2014: 26–35].

было отправлено и в ЧК. Но судьба Верещагина и других заложников решалась не на Гороховой, а под Ропшей, Гатчиной, Лугой. В конце октября части Красной Армии перешли в контрнаступление, 7 ноября отряды РККА заняли Волосово, а белые отступили на свои летние позиции под Ямбургом. 7 ноября Верещагин был освобожден [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 40].

Эпидемии, голод и холод оказывали влияние на все стороны жизни оголодавшего, замерзающего города: «Холод, стоящий в театрах, действует убийственно на сборы. Некоторые театры, как например “Привал комедиантов”, для успокоения публики стали печатать в объявлениях температуру зрительного зала» [Бирюч 1919. № 9: 28]; «Был месяц, когда все ели одну капусту, — это было осенью, когда наступал Юденич. Был месяц, когда все ели картофельную шелуху» [Анненков 1991. Т. 1: 29]. 13 ноября Н.Г. Пиотровский выступил с докладом о резком повышении цен и крайне тяжелом положении служащих [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 43 об.]. От тифа умерла сотрудница иногороднего отдела И.И. Коронина [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 16 об.].

Несмотря на бодрые заверения газеты «Северная Коммуна» («Для красного Петрограда идет успешная заготовка хлеба в Рыльском уезде, Курской губ. Крестьяне охотно отдают даже свои пайки. Уполкомпродсевоб и руководитель экспедиции по заготовке хлеба Сахарев» [Северная 1919. № 38: 4]), положение с продовольствием в городе было катастрофическим. Та же «Северная коммуна» сообщала, что «взрослому населению и детям всех возрастов на вторую половину февраля будет выдано: I категории рыбы 2 фунта (русский фунт — 409,5 грамма. — Д.И.), II категории 1 фунт» [Северная. 1919. № 38: 3].

Театральный журнал «Бирюч» писал: «13 декабря в Мариинской больнице умерла от отравления артистка частных театров Л.Д. Симонова <...> как говорят, решила на самоубийство под влиянием голода. Самоубийца оставила после себя малолетнюю дочь. Покойной было 24 года» [Бирюч. 1919. № 9: 29].

В отчетах о работе Музейного фонда за этот период говорится, что сотрудникам Отдела приходилось иногда вырубать пред-

меты изо льда в промерзших пустующих помещениях [ЦГАЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 397. Л. 125 об.].

Количество трупов было таким, что не хватало даже «гробов напрокат». Это привело к тому, что Петросоветом было принято решение о начале строительства первого в городе крематория. Причем к этому вопросу подошли творчески. Художник Юрий Аненнков писал, как управляющий делами комиссариата Петросовета Б.Г. Каплун предложил ему в 1919 г. нарисовать обложку рекламной брошюры, в которой говорилось, что «сожженным имеет право быть каждый гражданин» [Аненнков 1991. Т. 1: 93]. Эта идея привлекала также новое руководство города своей очевидной революционностью, разрывом с традициями, явным вызовом церкви. Кремацию поддерживали Ленин и Троцкий. Последний даже предложил вождям революции подать пример и завещать сжечь свои трупы [Шкаровский]. Строить крематорий планировалось на территории Александро-Невской лавры.

К этому важному в жизни города, но далекому, на первый взгляд, от искусства делу о строительстве крематория имел самое непосредственное отношение Отдел по охране памятников. Причем отношение двоякое. Автором одного из проектов крематория стал архитектор Ной Троцкий, в будущем зодчий «Большого Дома» и «Дома Советов», на тот момент штатный сотрудник Отдела, а руководство Отдела выступило категорически против постройки крематория в саду Александро-Невской лавры [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 55]²⁹.

В конце 1919 г., после освобождения из ЧК и, по всей видимости, осознав полный провал наступления белых на Петроград, Верещагин уехал за границу. Находившиеся у него дома художественные ценности и библиотека были сданы на ответственность

---

²⁹ Строительству крематория на территории монастыря помешали в первую очередь финансовые трудности. В результате первый в городе крематорий был организован на Камской улице на Васильевском острове (об истории кремации в Петербурге см. [Шкаровский]).

вселенному в квартиру Г.С. Семенову [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 81. Л. 9 об.].

22 января 1920 г. приказом Юденича была ликвидирована Северо-Западная армия — непосредственная угроза красному Петрограду миновала. После окончания боев 10 февраля 1920 г. 7-я армия РККА преобразована в Трудовую армию. В начале этого года В.А. Гайковская в разгар эпидемии сыпного тифа назначается военным комиссаром транзитного госпиталя. В конце марта 1920 г. бывший сотрудник Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины сгорит от сыпного тифа за несколько дней [Памятник борцам 2014].

В жизни Музейного фонда в это время произошло важное событие: под склад, или Бюро фонда, выделили большое помещение в Ново-Михайловском дворце [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 73 об.], который станет главным хранилищем Петроградского Отдела. Ранее все изъятые художественные ценности поступали в «Старое Бюро» в Зимнем дворце [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 113]. Выделение нового помещения не означало ликвидацию старого: склады Музейного фонда в Зимнем дворце еще долго продолжали работать. В Бюро было вывезено 10 000 артефактов, непосредственно в Эрмитаж более 2000 предметов³⁰, а в Русский музей 1900. Все возраставшие объемы поступавших раритетов требовали составления справочника [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 397. Л. 1. Д. 74] и позволили организовать Показательную выставку Отдела музеев и охраны памятников [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 397. Л. 1. Д. 80].

Библиотечной секцией была установлена охрана над исключительно ценным архивом Абамелек-Лазарева [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 65]. Зарегистрировано до 25 000 книг, альбомов, рисунков, рукописей — архив Воронцовых, Перовских (с рукописями А.К. Толстого), грамоты XVI–XVIII веков [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 20 об.]. На полу в покинутой квартире собраны

---

³⁰ 4 августа 1920 г. в Эрмитаже состоялся доклад хранителя Мацулевича о коптских тканях, поступивших из Музейного фонда [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 63].

письма Г.Р. Державина, часть архива Воронцовых извлечена из подвала с земляным полом [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 65].

Количество и ценность экспроприированных памятников были таковы, что позволяли их демонстрировать как главные достижения Советской власти в Петрограде: в конце декабря в Москве на VIII Всероссийском съезде Советов на выставке Петросовета были представлены экспонаты Музейного фонда [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 8 об.].

На 1 января 1921 г. в Петроградском Отделе работало 139 человек, из них один коммунист [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 80]. По всей видимости, этим единственным безымянным партийцем был заведующий Музейным фондом В.И. Ерыкалов.

В годы НЭПа 1921–1925

Но, с другой стороны, рассуждая материально, сейчас не девятнадцатый год. Это понимать надо.

Это в девятнадцатом году не то что без телефона обходились — не жравши сидели, и то ничего.

М. Зоценко «Телефон»

В 1921 г. в составе Наркомпроса было сформировано Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука), а интересующая нас организация с ноября 1921 г. — Государственный музейный фонд Петроградского (затем Ленинградского) отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР, однако старое название Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины также продолжало использоваться. Секцию живописи, скульптуры и прикладного искусства возглавлял М.Д. Философов. Библиотечную секцию — Б.А. Надеждин [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 16 об.]. Национализированными домами-музеями руководил Н.Г. Пиотровский.

14 апреля на должность заведующего первым сектором был утвержден архитектор Л.А. Ильин³¹. Несмотря на эмиграцию Верещагина, в Петроградском Музейном фонде продолжал преобладать его «кружок», одним из дореволюционных центров которого был Музей Старого Петербурга. Более того, в ноябре в штат Музейного фонда были зачислены другие служащие Музея Города, ответственные за художественно-историческое имущество Аничкова дворца: хранитель Исторических комнат В.К. Клигенберг, заведующий имуществом исторических комнат С.Е. Бабенко, сторожа — Акулов, Комаров, Спиридонов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 65]. В 1920-х годах в Музейном фонде работала архитектор, ученица Ильина, много с ним впоследствии сотрудничавшая, Дагмара Рудольфовна Бетлинг-Кольбе [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 154. Л. 28].

Архитектурной секцией Фонда проводился постоянный осмотр зданий, требовавших по своему положению особого внимания или находившихся в угрожающем состоянии [Ерыкалов 1924: 4]. Иногда сотрудникам фонда приходилось указывать служащим самых различных учреждений, расположившихся в бывших особняках, на необходимость сохранности зданий.

3 марта Уполномоченному В.П. Полянскому поручили довести до Отдела ЧК, занимавшего дом Умновой³², о необходимости соблюдения ими правил охраны архитектурных памятников и о недопустимости колки дров на парадной лестнице [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 13 об.].

---

³¹ Лев Александрович Ильин (1880–1942) — архитектор, до революции был членом комитета Музея Старого Петербурга, с 1918 по 1928 г. директор Музея Города. Был одним из основателей в 1923 г. Музея оживающего культа. Создатели этого музея пытались сохранить в нем изымаемое из храмов церковное имущество. В 1941 г. избран Членом-корреспондентом Академии архитектуры СССР. Об Л.А. Ильине см.: [Бусырева 2000].

³² Дом Умновой (наб. Лейтенанта Шмидта, 5) был построен в 20-е годы XVIII в. Перестроен в 1816 г.

Архитектурная секция занималась и исследовательской работой: по материалам архива Гренадерского полка ее сотрудники выявили «тайный домик Екатерины II на Петербургской наб., 20» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 30].

В начале 1920-х годов в сферу интересов Музейного фонда вошла археология — для подготовки материалов по организации при Отделе охраны Секции охраны мест археологических исследований. 26 апреля 1921 г. была принята на должность сотрудницы 1-го разряда Мария Александровна Спицына [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 24]. Руководство Музейного отдела Наркомпроса в лице Седовой-Троцкой уделяло значительное внимание археологическим памятникам: «Отмена частной собственности на памятники и предметы археологии, вносившие в прошлом элемент случайности в выбор памятников для исследования, а также широкое развитие в настоящее время краеведческой работы на местах создали возможность перехода к широким плановым и коллективным археологическим исследованиям, позволяющим заменить “охоту за вещами” систематическим научным освещением вопросов. Одной из задач М.О. (Музейный отдел. — *Д.И.*) ставит себе развитие инструктирования местных научных работников в методологии археологических изысканий» [Троцкая 1924: 238].

Продразверстка времен военного коммунизма, конфискация у крестьян лошадей в ходе Гражданской войны, засуха привели к страшному голоду, охватившему Поволжье, Украину, Урал, Западную Сибирь в начале 1920-х годов. Советское правительство было вынуждено обратиться за помощью к иностранным государствам и организациям. Для борьбы с голодом летом 1921 г. была создана Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) под председательством М.И. Калинина. Помголом был найден новый источник пополнения государственной казны для закупки продовольствия за рубежом — церковное имущество.

23 февраля 1922 г. вышел декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся у групп верующих». Музейный фонд совместно с комиссией Помгола приступил к осмотру памятников в Новгороде, Пскове, Кириллове, Тихвине, Петро-

заводске и других местах [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 6]. С 7 марта по 7 августа в Петрограде обследовали до 280 церквей с целью выявления культовых предметов из драгоценных металлов. Лучшие артефакты (около 3000 памятников музейного значения) передали в Эрмитаж, где они экспонировались на специальной выставке [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 6].

Драматическая история, связанная с попыткой сопротивления этой конфискации, наказанием за это и борьбой за художественные произведения, изложена в одном из документов Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук, относящихся к Пушкинскому Дому. При чтении этого документа бросается в глаза большое количество помарок, опечаток и исправлений, сделанных известным публицистом и литературным критиком Нестором Котляревским. Письмо явно начинали несколько раз писать заново просто поверх старого текста:

«31 ноября 1922 г.

№ 310

В Ревтрибунал

Постановлением Ревтрибунала от 5-го Июля 1922 г. приговорен к смертной казни женатый на дочери известного поэта Я.И. Полонского Н.А. Елачич³³ за противодействие изъятию церковных ценностей. Между тем в квартире осужденного Н.А. Елачича находятся вещи, касающиеся деятельности и жизни Я.П. Полонского и имеющие безусловный интерес для собраний Пушкинского Дома при Академии наук. Об этих вещах уже было в свое время словесно заявлено Дому гражданкой Елачич, причем она лишь просила временно сохранить ей эти вещи до ее смерти, как дорогие ей воспоминания о покойном ее отце; при заявлении своем она упомянула

---

³³ Николай Александрович Елачич (1872–1938) — действительный статский советник, секретарь Правления православных приходов. Смертный приговор был заменен на заключение. В 1923 г. освобожден по амнистии. Вновь арестован в 1930 г., расстрелян в 1938 г.

о 20 картинах кисти покойного поэта, его гипсовом бюсте (работы Бернштама), гипсовом бюсте Тургенева (работы жены поэта Ж.А. Полонской), гипсовой статуэтке Пушкина, Я.П. Полонскому подаренной на 50-летнем юбилее, картинах Клевера и Мещерского и о нескольких книгах, имеющих на себе автографы писателей и представляющих библиографическую редкость. Ввиду вышеизложенного Пуш. Дом при АН просит Ревтрибунал исключить из составленной описи имущества Н.А. Елачича названных вещей и предоставить их в распоряжение Пушкинского Дома ввиду их музейного значения, оставив их временно под ответственностью Н.Я. Елачич, впредь до возможности вывезти их по принадлежности в здание Пушкинского Дома на Васильевском Острове.

Подписал Директор Н. Котляревский.

Секрет. Упр. Делами (подпись неразборчива. — *Д.И.*).»
[СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1922). Д. 2. Л. 79 — 79 об.].

Не только церковное имущество рассматривалось Помголом как возможный источник дохода. Е.Ю. Соломаха пишет, что М. Лемке в «Красной газете» рекомендовал продажу музейных экспонатов для спасения голодающих. В 1922 г. по распоряжению Л.Д. Троцкого, несмотря на протест Луначарского, из Эрмитажа был изъят и передан в Гохран ряд ювелирных изделий [Соломаха 2014: 10]. 12 апреля из дома-музея Шереметева³⁴ сдано комиссии Помгола 98 серебряных и золотых предметов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 9].

Тогда же вводится временная плата за посещение советских музеев на нужды голодающих, установленная точно на новогодние праздники. Дирекция Музея антропологии и этнографии получила следующее распоряжение: «Главмузей вынес постановление производить во всех музеях сбор в пользу голодающих в течение недели с 26/XII по 2/I — 1922 г.

---

³⁴ О подведомственных Музейному фонду домах-музеях см.: [Собственные музеи].

Петроградское Отделение Главмузея, доводя об этом до сведения, предлагает Вам установить на указанный срок плату за посещения вверенного Вам музея в 5000 руб.» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1921). Д. 3. Л. 116].

Голод и разруха вызывают массовые антибольшевистские восстания по всей стране. Все популярнее становится идея о Советской власти без коммунистов. В марте 1921 г. **начался Кронштадтский мятеж под лозунгом «Власть Советам, а не партиям!»**.

Летом 1921 г. ЧК объявляет о раскрытии в Петрограде контрреволюционной «Петроградской боевой организации», возглавляемой **В.Н. Таганцевым**. По опасности эта организация приравнивалась к Кронштадтскому мятежу. По «Делу Таганцева» будут расстреляны и убиты при задержании свыше 90 человек — представителей интеллигенции. Среди них один из сотрудников Музейного фонда, уполномоченный по Спасскому и Литейному районам скульптор С.А. Ухтомский, а также поэт Н.С. Гумилев. Эта казнь стала одной из самых массовых акций устрашения начала 1920-х годов. 10 сентября Евгения Павловна Ухтомская отслужила панихиду, по особому чину заочного отпевания, по своему погибшему мужу в Казанском соборе [Таганцев 1998: 147]. В июне 1921 г. **арестован сотрудник Иногородней секции Музейного фонда Е.С. Рахлин-Румянцев** [Соломаха 2015: 14], отпущенный вскоре на свободу. 1 июля уволен со службы художник, фотограф и этнограф, специалист по Средней Азии С.М. Дудин [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 39 об.].

Этот сигнал от советских властей, а также, видимо, понимание, что Гражданская война окончательно выиграна большевиками, подтолкнули в начале 1920-х годов к бегству за границу тех «бывших», которые не сделали этого раньше.

29 августа 1921 г. уполномоченный В.Ф. Штейн сообщил о том, что пропало все имущество Оболенской по адресу Потемкинская ул., 11, находящееся под охраной Музейного фонда, а «владелица же таковых находится в неизвестном отсутствии» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 52 об. — 53]. В справочнике «Весь Петроград» за 1917 г. по указанному адресу не упоминается

ни одна из многочисленных Оболенских, но в соседнем угловом доме (Фурштатская, 49) жила княгиня Анна Александровна Оболенская (Урусова), жена князя Михаила Леонидовича Оболенского, проживавшего в Петрограде в 1915 г. на Потемкинской, 11 [Крылов-Толстокович]. Анна Александровна скончалась 6 февраля 1964 г. в Каннах. Любопытно, что в документах 1918–1919 гг. (самого «дворянского» периода в истории Музейного фонда) очень редко, но иногда упоминается сотрудница А.А. Оболенская, окончательно отчисленная 1 апреля 1919 г. [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 26 об.].

1 сентября 1921 г. Ерыкалов сообщил, что, по информации из газет, у погибшего при попытке перейти Финляндскую границу бывшего сенатора Страховича обнаружены вещи, похищенные из Эрмитажа. В то же время Музейному фонду ничего не было известно о пропаже предметов из Эрмитажа. В связи с этим Ерыкалов потребовал у служащих разобраться в ситуации [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 54 об.].

В 1921 г. эмигрировал «приглашенный эксперт» комиссии, изредка посещавший самые ранние заседания, друг Александра Бенуа В.Н. Аргутинский-Долгоруков.

После обвинения в 1922 г. в контрреволюции на фронте искусства уехал в Польшу один из главных сотрудников Музейного фонда, работавший в нем со дня его основания, Николай Грацианович Пиотровский. В Варшаве он продолжил научную работу и в 1929 г. издал книгу «Русский некрополь: фрагменты» [Пиотровский 1929]. В 1925 г. из командировки в Париж не вернулся в СССР бывший сотрудник Художественно-исторической комиссии С.Р. Эрнст. Эмигрировал В.П. Зубов — бывший глава Гатчинской художественно-исторической комиссии, основатель Института истории искусств, существующего в Петербурге и сейчас. Осужден по «Делу лицейстов» и отправлен в ссылку на Урал еще один бывший член комиссии — П.П. Вейнер.

Положение сотрудников как музеев, так и Музейного фонда в годы НЭПа продолжало оставаться крайне сложным. Вся тяжесть ситуации раскрывается в трогательном заявлении младше-

го служащего (дворники, смотрители) Музея антропологии и этнографии Кондратьева, по всей видимости, бывшего крестьянина и человека малограмотного:

«В Совет ученых Этнографического музея
от мл[адшего] служ[ащего] Г.П. Кондратьева
Заявление

В настоящий момент не имею никаких средств для пропитания, уже четвертый день приходится питаться только одной капустой без хлеба действительно есть оставше немного на родине картофеля. Но я не могу ее привести по двум случаям, во-первых, жена больная, которая могла б заменить временно службу в музее за меня во время отсутствия моего, во-вторых, не имею на проезд денег. О сем и покорнейше прошу Совет ученых этнографического музея не отказать в каком-либо пособии.

Г. Кондратьев 21 /III 22» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1922). Д. 5. Л. 41].

10 февраля 1921 г. произошло одно весьма показательное событие: Заведующий Убежищем для глухонемых уведомил руководство Музейного фонда, что дальнейшая служба в Отделе глухонемого фотографа А.И. Гусарова, согласно правилам, повлечет его увольнение из Убежища. Правление Музейного фонда, учитывая, что «Убежище более обеспечивает А.И. Гусарова, чем служба в Отделе», постановило уволить его со службы [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 8].

В июне того же года сотрудники Архитектурной секции обратились с ходатайством о покупке им велосипедов, а также о снабжении их обувью ввиду необходимости больших передвижений по городу [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 37].

На 1 января 1922 г. в Петроградском Отделе Музеев и 40 подведомственных ему учреждениях работало 1430 человек, меньше половины которых получало паяк (145 академических пайков и 542 просвещенских). Крайне низким оставалось и денежное

содержание [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 8] при постоянном обесценивании денег. Если среднее жалование служащего 6-го разряда в апреле 1922 г. составляло 11 миллионов, то осенью того же года — 45 миллионов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 8].

21 февраля 1923 г. умерла лошадь — сотрудник Музейного фонда. Среди заявлений и дел служащих хранится ее удостоверение:

«Удостоверение.

Настоящим Управление Государственного Музейного Фонда удостоверяет, что лошадь / мерин, рожд. 1906 г./, стоящая в доме № 2 по Дворцовой наб., принадлежит Государственному Музейному Фонду и употребляется для служебных перевозок Фонда.

Настоящее удостоверение выдано на предмет освобождения означенной лошади от трудгужналога согласно обязательному постановлению Петрогубиспокома, опубликов. в № 5 Вестника Петросовета» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 134. Л. 50].

Анатолий Мариенгоф напишет: «В те дни человек оказался крепче лошади» [Мариенгоф 1998 II: 32]. 8 июля умерла еще одна лошадь (буланый мерин) Музейного фонда [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 157. Л. 6].

В январе 1923 г. часть младших служащих, «к сожалению, очень небольшая», получила тулупы и валенки [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 19]: находившиеся в ведении Музейного фонда дома-музеи и дворцы не отапливались уже пять лет, и температура зимой в залах опускалась до минус 2 градусов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 79 об.]. Дома-музеи из-за малой посещаемости, по причине холода в залах принимали одиночных посетителей один раз в неделю по воскресеньям с 12 до 15 часов; экскурсионные группы — два раза в неделю по вторникам и четвергам [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 74]. 22 ноября была установлена оплата дежурств в часы, когда музеи были открыты для посещения, «по 10 коп. черв. в час» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 74].

Научная и выставочная работа Музейного фонда и подведомственных ему музеев в условиях НЭПа сочеталась с коммерциализацией музейной деятельности. Государство, создававшее общий музейный фонд и способствовавшее росту количества музеев, особенно в провинции, одновременно стремилось перевести финансирование многих музеев на местный уровень, а также на хозрасчет.

1 декабря 1922 г. в центральных музеях Петрограда, домах-музеях и пригородных Дворцах-музеях введена входная плата по 1 миллиону рублей с посетителя [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 8].

После деноминации с 1 февраля 1923 г. в музеях Петрограда и пригородов введена новая плата для посетителей — 2 рубля. Правом бесплатного посещения пользовались учащиеся государственных художественных школ, экскурсии учащихся и красноармейцев, экскурсии, бесплатно организованные Политпросветом [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 138. Л. 60 об.].

11 апреля 1923 г. вышло постановление СНК за подписью Л. Каменева, предоставляющее Наркомпросу «право иметь по музейному отделу и подведомственным им учреждениям специальные средства, получаемые путем извлечения доходов:

1) от взимания входной платы, продажи изданий и права на издания;

2) от эксплуатации земельных участков, строений и прочих имуществ, не имеющих историко-художественного значения, но связанных с музеями, дворцами, монастырями, парками, заповедниками и проч., состоящими в ведении музейного отдела» [Музей 1923: 78].

Музей быта в Фонтанном доме сдавал в аренду некоторые помещения и часть парадного двора, где горожане могли хранить свои дрова [Краско 2009]. Е.Ю. Соломаха пишет о сдаче в аренду мебели Строгановского дворца, приводя расценки для сотрудников и посторонних лиц [Соломаха 2015: 19]. Коммерческая деятельность музеев не всегда была успешной. Так «Новый Кредит» отказался от дальнейшей аренды складов в Шуваловском дворце.

По этому поводу в Ликвидационную комиссию «Кредит коопа» было подано заявление о взыскании долга по арендной плате с 1 апреля [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 154].

В 1924 г., после принятия Совнаркомом постановления «О выделении и реализации госфондового имущества», коммерциализация приняла весьма причудливую форму. Ю.Н. Жуков отмечал, что продажа тогда была разрешена самим музеям через антикварные магазины и аукционные залы Главнауки Наркомпроса в Москве и Ленинграде. 60 % выручки отходило музеям (!), а остальное государству [Жуков 1992: 86]. Музейному фонду было также позволено обменивать предметы из «эквивалентного» фонда на более ценные, с их точки зрения, раритеты, а также закупать произведения искусства за наличные деньги. Всего к 1 октября 1925 г. для различных музеев Фондом было закуплено экспонатов на 587 рублей 20 копеек [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 203 об.].

В 1924 г. Музейный фонд был разделен на три отдела: Художественный (заведующий М.Д. Философов), Историко-бытовой (Б.А. Надеждин), Военно-исторический (П.П. Потоцкий³⁵). Хранителем складов была И.А. Чайковская. Руководил фондом до июня 1925 г. В.И. Ерыкалов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 175 об.]. Была определена деятельность организации по пяти направлениям: 1. Учет и регистрация; 2. Работа над церковным имуществом; 3. Поступления в хранилища фонда; 4. Выдача со складов фонда; 5. Внутренняя работа на складах фонда [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 175 об.].

А уже в 1925 г. проходит новая реорганизация Музейного фонда, разделенного на две части: Учетно-справочная, ведающая учетом и охраной памятников на местах, которая располагалась в Мраморном дворце, и собственно Хранилище в Ново-Михайловском дворце (имелись также склады Музейного фонда при

---

³⁵ Павел Платонович Потоцкий (1857–1938) — военный историк, генерал от артиллерии (1916), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., русско-японской войны, Первой мировой войны.

Эрмитаже и Русском музее). Учетно-справочную часть возглавляла О.М. Ошанина, Хранилищем заведовал Б.А. Надеждин [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 195 об.]. **Хранилище подразделялось** на восемь отделов: 1. Графики и библиотеки (хранитель Б.А. Надеждин); 2. Картин и скульптуры (Е.Я. Захарьенко); 3. Керамики и стекла (Е.П. Соколова); 4. Церковного имущества (Ф.А. Каликин); 5. Мебели и бронзы (Л.А. Динцес); 6. Прикладного искусства (И.М. Лурье); 7. Военного имущества (Г.С. Габаев, В.Ф. Пузинский); 8. Эквивалентный фонд (К.Г. Родити) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 195, 195 об., 196].

23 февраля 1925 г. распоряжением Ленинградского отделения Главнауки был утвержден действующий штат сотрудников Музейного фонда в 32 должности [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 196], и в этом же году Музейный фонд начал покидать многие сотрудники. В 1925 г. **переедет в Киев П.П. Потоцкий; уедет хранитель складов И.А. Чайковская; окончательно сосредоточится на работе в Эрмитаже, покинув Музейный фонд, М.Д. Философов.** В июне оставит пост заведующего В.И. Ерыкалов. После ухода Ерыкалова руководителем Фондом стал инспектор музеев С.К. Исаков, *с оставлением должности вакантной.*

Противостояние с Внешторгом

С другой стороны, целиком взять все это в «казну» — было бы столь же нецелесообразным. Советскому государству нечего было бы делать с большинством этих памятников. Настоящее решение наметилось как сочетание музейных интересов государства с его фискальными <...> нуждами.

А.М. Эфрос. «Музейное дело в Советской республике»

Сложное отношение Советской власти к «дворянскому добру» в сочетании с постоянной острой нехваткой финансов привели к тому, что на художественные произведения претендовал

не только Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины, но и Народный комиссариат торговли и промышленности.

С марта 1917 г. комиссию, которой предстояло заняться торговлей антиквариатом за валюту, возглавлял Максим Горький — человек, ратовавший за неприкосновенность памятников искусства [Рупасов 2012: 48]. 31 декабря 1918 г. наркомом торговли и промышленности Л.Б. Красиным, очень интересовавшимся искусством, по воспоминаниям знавшего его художника Юрия Анненкова [Анненков 1991: 231], была создана Антикварно-оценочная комиссия по классификации и учету предметов роскоши и художественных ценностей [Рупасов 2012: 48]. Это предновогоднее решение властей означало, что Отделу в 1919 г. предстоит взаимодействовать с новым ведомством, довольно агрессивно заявившим свои права на ювелирные изделия и произведения искусства.

23 января 1919 г. Б.А. Надеждин доложил о назначенном для выяснения вопроса о взаимоотношениях, но несостоявшемся совместном совещании представителей Отдела и Антикварно-оценочной комиссии Горького [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 8]. К этому времени Отделом проводился разбор серебра в Государственном банке [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 20], но работа шла медленно, банковские служащие не спешили открывать ячейки сейфов. Комиссар Народного банка просто не отвечал на запросы Отдела [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 17]. До конца лета должен был быть решен вопрос, кому распоряжаться пока нетронутыми драгоценностями. Постановление Исполкома Петроградского Совета от 2 июня 1919 г. за подписью Зиновьева сохранило двусмысленность в этом деле: «При реквизиции и национализации квартир, особняков, дворцов, а также всяких складов и хранилищ движимого имущества до сейфов включительно, все государственные организации, а также отдельные лица, имеющие право на реквизицию, должны до занятия помещений вызвать экспертов *отдела охраны памятников и старины* или же членов *оценочно-антикварной комиссии* для учета и выемки предметов

художественного и исторического значения» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 3].

14 июня С.А. Ухтомскому удалось перевезти из Петроградской Ссудной казны в Эрмитаж раритеты, принадлежавшие княгине Оболенской [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 52 об.], а вот сотруднику М.Ф. Мокржицкому заведующий сейфами Народного банка отказал в доступе к безопасным ячейкам, заявив, что «ценности, находящиеся в сейфах, будут отправлены в Москву в Отдел Кредитных Билетов, Рыбный переулок, 3» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 4]. **При этом в Музейный фонд поступали заявления от владельцев с указанием конкретных банков, номеров ячеек, перечнем находящихся в них артефактов.**

11 июня поступило заявление Н.Н. Епанчина о том, что в безопасных ящиках Петроградского Общества Взаимного Кредита помещены иконы XVII–XVIII веков, собрание документов XVII–XX столетий, редкие монеты, старинные рукописи и книги [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 7 — 7 об.].

25 июня — заявление А.А. Харитоновой о нумизматической коллекции в сейфе № 2061 Первого отделения Народного банка [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 24].

27 июня — заявление бывшего обер-гофмаршала Павла Константиновича Бенкендорфа о ценностях в Учетно-Ссудном банке [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 26], а также В.Г. Киреевой о нумизматической коллекции в Петроградском Обществе Взаимного Кредита [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 28].

28 июня — заявление Д. Полешаева о ценных исторических документах, унаследованных Долгорукими от графини Поточкой, времен Потемкина и Александра I, находящихся в сейфе № 3046 Волжско-Камского банка [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 29].

В.И. Ерыкалов, безрезультатно писавший руководству финансовых учреждений, поручил 9 августа М.Д. Философова прояснить ситуацию личными переговорами с заведующим сейфами товарищем Гашелем и комиссаром Народного Банка [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 51].

А уже 21 августа М.Д. **Философов** сообщил «о том, что по сведениям, полученным им от М.Ф. Андреевой³⁶, состоялось соглашение между Народным Банком и Оценочно-Антикварной Комиссией о передаче последней всех художественных ценностей из сейфов» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 20 об.]. По странному стечению обстоятельств вопрос о том, кто будет определять дальнейшую судьбу ценностей (и их окончательную передачу торговому ведомству) решился в августе 1919 г., когда всякие претензии на сейфовое имущество со стороны владельцев потеряли силу по истечению срока [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 262. Л. 59].

8 июня 1920 г. Народный комиссариат торговли и промышленности РСФСР был преобразован в Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ) РСФСР. Это, казалось бы, далекое от музейного дела бюрократическое преобразование в экономическом ведомстве имело в будущем самое непосредственное отношение к вопросу сохранения культурных ценностей. С этого времени Отдел охраны памятников был вынужден работать в контакте с Учетными Тройками В.С.Н.Х. и Антикварно-экспертной комиссией Внешторга [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 62]. **Понимая противоречивость сложившейся ситуации, когда судьба раритетов оказывалась в ведении одновременно двух ведомств, их руководители в лице Г.С. Ятманова от Отдела по охране памятников и комиссара НКВТ М.Ф. Андреевой при участии Максима Горького разработали проект положения о взаимоотношениях Отдела и Экспертной комиссии. Согласно положению служащие Отдела получали возможность примерно раз в месяц обследовать склады Экспертной комиссии для выявления предметов, имеющих музейное значение, которые не могли быть отпущены для продажи без разрешения Музейного фонда** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 83]. Последнее слово оставалось за сотрудниками Отдела по охране памятников.

---

³⁶ Мария Федоровна Андреева (1868–1953) — актриса, создательница Большого драматического театра в Петрограде, член РСДРП с 1904 г., гражданская жена Максима Горького, много сделавшая для продвижения торговли русским антиквариатом за рубежом.

В 1921 г. выходит одно из самых малопривлекательных постановлений Советской власти — «Положение об Экспертных комиссиях НКВТ»:

«На основании постановления Совета Народных Комиссаров 7-го февраля 1921 года в целях составления Государственного запаса художественных ценностей и предметов старины и роскоши для вывоза их за границу при Народном Комиссариате Внешней торговли учреждаются Экспертные комиссии, которые являются единственными органами, производящими в своих районах отбор, классификацию, учет и оценку художественных и антикварно-исторических ценностей и предметов старины и роскоши, могущих служить для экспорта» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 1].

Это положение четко предписывало, что *единственными органами*, в ведении которых теперь находились памятники искусства, являются Экспертные комиссии. Столкновение интересов двух государственных структур было неизбежно.

Уже 10 февраля 1921 г. между Экспертными комиссиями и Музейным фондом возник конфликт о правах на выдачу разрешений на вывоз за границу антиквариата. Кроме того, сотрудниками Экспертной комиссии было вывезено на собственные склады собрание Утемана³⁷ из его особняка на Николаевской (Лейтенанта Шмидта) наб., 31, без согласия и участия Музейного фонда, что вызвало протест со стороны последнего. Из документов следует, что между этими двумя органами все-таки существовало какое-то предварительное соглашение, касающееся собрания Утемана, но оно было нарушено Экспертной комиссией в одностороннем порядке [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 8 об.].

---

³⁷ Франц Францевич Утеман (1868–1925) — крупный предприниматель, действительный статский советник. В начале XX в. входил в руководящий состав ряда крупных компаний (резиновая мануфактура «Треугольник», пивоваренный завод «Бавария», фабрика «Скорород» и др.).

Сотрудник Музейного фонда Е. Сытников докладывал: «Отбор вещей иногда происходит помимо меня, причем мне не сообщается какие и где отобраны вещи» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 4 об.].

Хотя имели место и обратные случаи. Так, 2 июля товарищ председателя Экспертной комиссии А.Р. Дидерихс³⁸ был вынужден пожаловаться М.Д. Философому на то, что представители Музейного фонда «по очевидному недоразумению» вывезли из квартиры Арапова практически все ценное имущество, уже отобранное Экспертной комиссией и снабженное ее ярлыками [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 5]. Иногда сотрудникам Музейного фонда удавалось пополнить собрания различных музеев за счет Экспертной комиссии. 26 ноября часть экспонатов с выставки Внешторга была отправлена в Тверской музей [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 9]. В Музей антропологии и этнографии в это время поступил ряд коллекций «от Экспертной Комиссии»³⁹. Из документов следует, что 9 марта 1921 г. лаборантка музея Е.П. Саминова получила со склада-выставки Экспертной комиссии 27 экспонатов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1921). Д. 3. Л. 16].

В 1922 г. Петроградская Экспертная комиссия была реорганизована в Петроградский Отдел Художественных Ценностей (ПОХЦ). Борьба за раритеты между Музейным фондом и Внешторгом в лице ПОХЦ продолжилась.

25 февраля 1922 г. состоялось заседание Межведомственной экспертной комиссии, на котором присутствовали А.Р. Дидерихс, Н.М. Егоров, М.Ф. Газе от ПОХЦ, А.П. Келлер от Главмузея, Ларионов от Рабкрина⁴⁰. Результаты этого заседания были явно

---

³⁸ Андрей Романович Дидерихс (1884–1942) — художник, график, учился в Мюнхене и Париже. В 1917–1921 г. — участник коммуны в квартире Максима Горького. С 1919 г. заместитель председателя комиссии Внешторга.

³⁹ См. Приложение 3.

⁴⁰ Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин) существовала с 1920 по 1934 гг.

в пользу Внешторга. Было решено: «1) Утвердить Межведомственную Экспертную Комиссию в составе: Дидерихс (ПОХЦ), А.П. Келлер (Главмузей), Ларионов (Рабкрин). 2) ПОХЦ выпускает экспонаты непосредственно музеям, а не музейному фонду. 3) *Вещи выпускаются НКВТ за соответствующий эквивалент Наркомпроса, могущий служить экспортным товаром.* Расчет за музейные предметы производится на основании оценки, данной на складах-выставках ПОХЦ. 4) Снабжению из фонда ПОХЦ подлежат исключительно музеи Северной области, зарегистрированные в Главмузее» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 10].

Отныне музеи могли только выкупать (обменивать на достойный эквивалент) памятники, попавшие на склады Внешторга. Более того, представителям музеев было разрешено осматривать только Выставку № 2 (Мойка, 72) и выставку № 3 (ковровый склад), а все раритеты, находящиеся на складе-выставке № 1 (Халтурина, 3), уже считались экспортным товаром, поскольку из них «в свое время были отобраны Главмузеем все интересные в музейном отношении вещи» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 11]. Также постановили установить срок для выкупа экспонатов музеями, по истечении которого Главмузей теряет право на предметы [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 11].

Это было серьезное поражение Музейного фонда в противостоянии с Внешторгом. Уже к маю 1922 г. со склада № 1 было отправлено за рубеж ювелирных изделий, хрусталя, фарфора, ваз, клуазоне, восточных изделий из камня и слоновой кости 678 ящиков на сумму 170 239 рублей золотом. С коврового склада отпущено 2116 восточных ковров на 194 098 рублей. Оставшиеся на складах предметы, как не имеющие ценности за границей, предполагались для продажи на аукционе по адресу Мойка, 72 [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 19 — 19 об.].

В этой ситуации остается неясной позиция главы Музейного отдела Наркомпроса Н.И. Седовой-Троцкой, ратовавшей за создание общего государственного музейного фонда, из ведения которого выводилось не просто большое, а очень большое количество потенциальных экспонатов. Правда, 11 июля 1922 г. для

находящихся в тяжелейшем финансовом состоянии музеев было сделано небольшое послабление: «В случае обнаружения на складах-выставках вещей исключительно художественного интереса, не могущих быть покрытыми эквивалентом Главмузея, ввиду их исключительной ценности — возбуждать специальные ходатайства перед центральными органами о передаче таковых вещей Главмузею и, до решения вопроса, не зачислять вещей в Экспортный фонд» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 20]. Любопытно, что этим же числом датирован акт о безвозмездной передаче со склада-выставки № 1 Внешторга Пушкинскому Дому Академии наук архива Пущина, документов из собрания Фаберже, переписки Оболенской, семейного архива и фотографий семьи Норман [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1922). Д. 2. Л. 72].

15 июля 1922 г. в межведомственную комиссию по вопросам обмена музейных предметов на вещи, не имеющие музейного значения, В.И. Ерыкаловым были назначены заведующий отделом картинной галереи Государственного Эрмитажа А.Н. Бенуа и научный сотрудник управления Государственного Музейного фонда А.И. Циммерман [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 362. Л. 23].

Декрет ВЦИК и СНК от 8 марта 1923 г. обязал Музейный отдел провести перерегистрацию и отобрать только те артефакты, которые имеют «исключительное музейное значение» [Эфрос 1924: 243].

В домах-музеях проводилась оценка имеющихся экспонатов, причем «ненужное обиходное имущество» направлялось в Госфонд — фактически на продажу. Из особняка Шуваловой сдано 3054 предмета, из Фонтанного дома сдано 1200 (отобрано 4239), Строгановского дворца—1445 (отобрано 2000), из Юсуповского сдано 1545 [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 36].

10 декабря 1923 г. в Госфонд из Юсуповского дворца поступило «различное имущество не художественное и мало художественной ценности» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 182 об.].

При этом пока еще сохранялась и возможность обратного движения памятников. В ноябре 1923 г. Музейный фонд попросил ПОХЦ о передаче в Этнографический отдел Русского музея

18 экспонатов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 75 об.]. Всего в этом году Музейным фондом на экспортных складах Госфонда было отобрано 832 произведения [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 177]. В 1924 г. директор МАЭ академик Е.Ф. Карский и секретарь музея С.М. Дудин ходатайствовали о выделении экспонатов из Госфонда, причем в одном из писем было указано о преимущественном праве музеев на отбор коллекций [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Д. 5. Л. 41 об.]. В результате незначительное количество предметов со складов Госфонда Музеем антропологии и этнографии в 1924 г. было получено⁴¹.

В октябре 1925 г. при Госторге СССР образовано печально известное объединение «Антиквариат», закупавшее за рубли и продававшее за валюту художественные и исторические ценности [Жуков 2005: 69].

Музейный бум и музейная революция 1918–1924

«Музей — это значит покой искусства», — говорила традиция, «Музей — это значит жизнь искусства», — установила революция.

А.М. Эфрос. «Музейное дело в Советской республике»

Начавшийся в 1918 г. процесс превращения в музеи бывших частных особняков, а также храмов привел к своеобразному музейному «буму» первых послереволюционных лет. В это время возникло множество новых музеев, многие из которых существуют до сих пор, некоторые были позднее упразднены.

Начало было положено соборами Московского Кремля и бывшими императорскими резиденциями. Декрет 23 января 1918 г. об отделении Церкви от государства послужил поводом к экспроприации церковных памятников, начавшейся с храмов

⁴¹ См. Приложение 3.

Московского Кремля, которые были объявлены музеями [Троцкая 1926: 40].

13 июля 1918 г. вышел декрет СНК «О национализации имущества низложенного российского императора и членов бывшего императорского дома» [Равикович 1988: 25].

Музеями становятся и пригородные императорские резиденции. В 1918 г. музеем стал Екатерининский дворец в Детском Селе⁴², в этом же году вышел каталог музея Екатерининского дворца, составленный председателем Царскосельской художественно-исторической комиссии Г.К. Лукомским [Лукомский 1918]. 13 мая 1918 г. для посетителей был открыт Большой Петергофский дворец [Российская 2001. Т. 2: 301].

19 мая 1918 г. открывается Гатчинский дворец-музей. Его возглавил В.П. Зубов, руководивший до этого Художественно-исторической комиссией в Гатчине [Семенов 2018]. Первым директором Павловского дворца-музея становится А.А. Половцов, ранее входивший в гатчинскую комиссию.

В 1918 г. в Аничковом дворце открывается очень необычный, по-своему уникальный музей — Музей Города⁴³. Там проводились различные мероприятия. Максим Горький делился воспоминаниями о Л.Н. Толстом, а театральный отдел организовал цикл лекций о театре в эпоху Возрождения [Аксельрод 1996: 120]. Всего в Музее Города только с 29 ноября по 22 декабря 1918 г. было прочитано 124 лекции! Среди выступавших — А.В. Луначарский, уже упоминавшийся Горький, А.Ф. Кони [Попова 1998: 34].

Превращен в музей Елагиноостровский дворец с павильонами и Каменоостровским театром [Прищепова 2000: 104].

Дворец великого князя Николая Михайловича частично передан Музею почтового ведомства, а частично обращен в откры-

---

⁴² В 1918 г. Царское Село было переименовано в Детское Село им. Урицкого. В 1937 г. город получил свое нынешнее имя Пушкин.

⁴³ О судьбе коллекций Музея города см. «Музей Города в Собственном Дворце».

тую историческую библиотеку, насчитывавшую свыше 20 000 томов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 6].

В основе послереволюционного «музейного бума» лежали как национализация художественно-исторических ценностей, названная А.В. Луначарским «живым охранением народного достояния» [Равикович 1988: 27], так и возникновение коммунистических музеев: в 1919 г. в Петрограде основан первый Музей Революции [Равикович 1988: 33]. Преемником этого музея в настоящее время является Музей политической истории. 4 августа 1921 г. Музейный фонд передал в Музей Революции собрание миниатюр [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 47]. В 1919 г. в Москве основан Музей Красной Армии (в настоящее время — Центральный музей вооруженных сил) [Кончин 1981: 28, 29].

В феврале 1919 г. в Петрограде проходила Первая Всероссийская конференция музейных работников [Равикович 1988: 39]. К открытию конференции в Эрмитаже была приурочена выставка, на которой были продемонстрированы произведения, поступившие из петроградских и загородных дворцов [Северная. 1919. № 31: 2]. На конференции С.Ф. Ольденбург выступил с инициативой расширения уже существующего при Академии наук музея Востока, где должны быть собраны экспонаты из разных мест и от частных лиц и который должен был стать крупнейшим отечественным центром востоковедения [Северная. 1919. № 38: 2]. А.В. Луначарский озвучил идею построения своеобразной единой музейной пирамиды, вершину которой должны были образовывать *специализированные* центральные музеи, а основание — *комплексные* региональные, а между музеями всех уровней должно быть налажено взаимодействие [Равикович 1988: 39]. Но наиболее важным решением этой конференции было постановление о необходимости для музеев *обоснования* своих коллекций, до которого их собрания рассматриваются как часть единого *государственного музейного фонда* [Ятманов I 1923: 3].

Руководитель Музейного отдела Н.И. Троцкая в статье «Музейное строительство и революция» указала основные цели на этом этапе «первоначального накопления музейных ценностей»:

«Все старинные особняки по Москве и Ленинграду, где, главным образом, они и были сосредоточены, Музейным Отделом просматривались. Все то, что представляло в них историко-художественную старину, принималось представителями М.О. (Музейного отдела. — *Д.И.*) совместно с представителями ЧК. Надо сказать, что политика наша в этот период была направлена не к тому, чтобы отбирать лучшие вещи, а к тому, чтобы собрать и сохранить все, что могло представлять какой-либо интерес: делалось это вполне сознательно с целью не утратить значительных вещей при спешной разборке. Отобранное вывозилось в особое хранилище, чем было положено начало *будущему музейному фонду*» [Троцкая 1926: 36].

Процессы возникновения новых музеев охватили не только Петроград, но и Москву. Причем если в Петрограде с 1918 по 1920 г. было создано 22 музея, то в Москве — 38 [Равикович 1988: 26]. В годы военного коммунизма в Москве создаются Музей старой Москвы, Музей искусства Востока (преемником Музея искусства Востока является Государственный музей искусства народов Востока), Музей-коллекция уникальных старинных инструментов, Музей мебели и игрушки [Равикович 1988: 31]. В 1919 г. в Москве под руководством известного художника-авангардиста В.В. Кандинского открыт экспериментальный Музей Живописной культуры. В нем читались лекции, проходили диспуты и проводились исследования воздействия художественных полотен на зрителя. Музей просуществовал до 1928 г. [Музейное 2003: 138].

Эту особенность, точно передающую атмосферу красной Москвы, подметил Анатолий Мариенгоф:

«35

Прекращено пассажирское железнодорожное движение.

36

Народным Комиссариатом по просвещению разработан проект создания пяти новых музеев:

1. Московского национального.
2. Русского народного искусства.

3. Восточного искусства.
4. Старого европейского искусства и
5. Музея церковного искусства.

37

Я сегодня читал в университете свою первую лекцию о каменном веке.

Беспокойный предмет» [Мариенгоф 1988: 177].

В это время начинает преобладать идея о строгой обучающей и научной специализации музея. Музей-институт, музей-школа, музей-кружок — таким виделся советский музей новым властям. Музейно-выставочная работа начинает восприниматься руководством Наркомпроса не просто как неотъемлемая часть просветительской деятельности, а фактически как главная функция музея, даже в ущерб хранительской. Товарищ Троцкая скажет: «Все свое внимание М.О. устремляет на то, чтобы сделать музеи как можно менее “музейными” (ограниченными одной задачей сохранения), чтобы материал музеев связать как можно теснее с общим укладом жизни, максимально усилить общественно-утилитарную сторону их деятельности» [Троцкая 1924: 239].

Такой преимущественно образовательный подход не только коснется старых музеев, но и послужит основанием для формирования новых обучающих музеев при различных организациях и предприятиях.

Совет профессоров педагогического института принял решение о создании при институте музея-выставки по внешкольному образованию с мастерской для изготовления предметов по внешкольному образованию [Северная. 1919. № 27: 4].

Весной начали работу шесть первых естественнонаучных экскурсионных станций. Они расположились в ближайших пригородах (Павловск, Лахта, Сестрорецк, Петергоф), а также на Каменном острове при сельскохозяйственном институте [Березина 2015: 73]. Под экскурсионные станции были переоборудованы обычные дачные помещения, достаточно просторные, чтобы в них можно было разместить группу из 30–40 человек, столовую,

кабинет и лабораторию для изучения собранного материала [Березина 2015: 74]. Сотрудники Музейного фонда выступили против организации экскурсионной станции в Елагиноостровском дворце [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об.].

Это противодействие навязываемой сугубо просветительской роли музеев не означало, что сотрудники Музейного фонда не понимали значение музея как образовательного центра. Когда в январе 1920 г. в Аничковом дворце откроется Центральная школьная станция гуманитарных экскурсий, преподавателями на курсах экскурсоводов станут, в числе прочих, П.П. Вейнер, В.Я. Курбатов, Л.А. Ильин [Березина 2015: 81] — представители старого «верещагинского» кружка, знатоки и хранители старины.

Уже в 1919 г. перед музейными работниками встал важный вопрос об основном предназначении музея. Советская власть, стремившаяся всеми силами повысить грамотность населения, рассматривала музеи в первую очередь, если не исключительно, как центры просвещения.

В эти годы вообще очень активно обсуждались вопросы образования, и высшего образования в частности. На страницах центральных газет высказывались любопытные мнения: «Слушательницы высших женских курсов признали, что представительницы старостата на совещании по реформе высшей школы не выразили истинного мнения большинства слушательниц. Считая, что реформа высшей школы вызвана настоящей потребностью самой высшей школы, собрание находит необходимым реформу высшей школы на следующих основаниях: 1) Полная автономия высшей школы. 2) Доступ широких народных масс в нее. 3) Бесплатное обучение. 4) Прием в высшую школу без свидетельства об окончании средней школы. 5) Совместное обучение (здесь курсисток можно понять. — *Д.И.*). 6) Участие студенчества в управлении высшей школы» [Северная. 1918. № 121: 2].

Некий анонимный студент опубликовал открытое письмо тов. Луначарскому о ненормальном, по его мнению, положении в университетах и институтах: «Считаю нужным обратить ваше внимание, уважаемый товарищ, на положение дел в нашей выс-

шей школе. Большая часть трудящегося студенчества, занятая утренние часы на всевозможных должностях, фактически лишена возможности заниматься учебными делами... Таким образом, регулярно и продуктивно может заниматься лишь кучка студентов из буржуазных кругов, обеспеченная не своим личным трудом, а капиталом своих родителей. С тов. приветом студент» [Северная. 1918. № 121: 3].

Музейное строительство этого периода неразрывно связано с реформами образования, попытками превратить музеи в дополнительные учебные центры. Уже 17 февраля 1918 г. специальным постановлением за подписью Луначарского был учрежден Центральный педагогический музей в Петрограде [Равикович 1988: 35]. Г.С. Ятманов отмечал: «Музеи делают центрами школьной и внешкольной экскурсионной работы и накануне того, что изучение музейных собраний войдет в курсы и программы просветительных и учебных учреждений как обязательный метод обучения» [Ятманов 1923 II: I–II]. Стремясь всячески усилить эту роль музея, осенью 1919 г. Наркомпрос предписал ликвидировать старые, направленные фактически на учет и охрану памятников, отделы, заменив их подотделами *внешкольного образования* в составе трех секций: фото-кинематографической, театральной, памятников искусства и старины [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 38]. **Это решение, разрушающее основную — хранительскую — функцию музея, было крайне негативно воспринято как Московской коллегией по делам музеев, так и Петроградским отделом по охране памятников как наносящее вред делу музейного строительства** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 38]. Директор Государственного Эрмитажа С.Н. **Тройницкий, определяя три главные стороны деятельности музея — хранение, изучение и популяризацию, на первое место ставил именно хранение. Старый порядок все-таки был сохранен.**

В самом начале 1920-х годов активно обсуждался вопрос об объединенном руководстве музеями. Противниками подобного объединения были искусствоведы Н.Г. **Машковцев** и П.П. **Муратов**, указывавшие, что методы собирания художественных цен-

ностей отличны от методов собирания исторических и естественнонаучных коллекций [Равикович 1988: 45]. Сторонником единого руководства музеями был Бруно Адлер⁴⁴, считавший, что любой артефакт, попавший в музей, становится «научно-музейным объектом». Точку зрения Адлера поддержали академик С.Ф. Ольденбург, председатель Петроградского отдела по делам музеев Г.С. Ятманов, директор Русского музея А.А. Миллер [Равикович 1988: 46].

Близкую позицию занимал директор Эрмитажа Тройницкий, четко разделявший естественнонаучные и «гуманитарно-исторические» музеи, однако полагавший, что последние образуют единый комплекс, поскольку, по его мнению, любой археологический, этнографический, историко-бытовой экспонат является одновременно в той или иной степени *художественным* памятником [Тройницкий 1923: 21].

Объединенное управление рассматривалось как необходимое условие создания единой музейной сети, в организации которой видная роль отводилась государственному Музейному фонду, собранному, как мы знаем, из бывших частных коллекций, судьбу которых определила Советская власть и ее представитель Н.И. Седова-Троцкая: «Выдающиеся частные художественные собрания, хорошо известные, независимо оттого, исчезли ли их владельцы с горизонта или находились у своих коллекций, были национализированы и превращены в музеи <...>. Ко всем другим, менее известным или совсем неизвестным частным коллекциям, владельцы которых продолжали оставаться в пределах советской республики, применялась, как предварительная мера охраны, выдача владельцам временных «охранных грамот» на их

---

⁴⁴ Бруно Фридрихович Адлер (1874–1942) — этнограф, географ, музеевед. Окончил Московский и Лейпцигский университеты. В 1902 г. по приглашению В.В. Радлова поступил на работу в МАЭ. С 1910 г. хранитель ЭОРМ. С июня 1911 г. профессор, заведующий кафедрой географии, этнографии и антропологии Казанского университета. С 1920 г. директор Центрального музея Татарской АССР [Люди 2003: 15].

художественное имущество <...>. В дальнейшем тщательное обследование экспертами М.О. коллекций, на которые были выданы грамоты, приводило все к большему и большему сокращению числа их и, наконец, к *полному аннулированию охранных грамот с проведением в жизнь декрета о взятии на учет всех памятников искусства и старины*, включая и архитектурные. Значение этого *первого декрета революции в области искусства* (декрет от 10 октября 1918 г.) было огромно и произвело в свое время чрезвычайное впечатление (еще бы! —Д.И.).

Впервые в истории государство брало в свои руки охрану всех имеющих общественное значение произведений искусства в стране, где бы и у кого бы они ни находились» [Троцкая 1926: 36]. И наконец, «Между тем мы склоны рассматривать *все музейное имущество*, где бы оно ни находилось, как *единый государственный музейный фонд*» [Троцкая 1926: 51].

Это последнее высказывание Троцкой, противоречащее сделанному в 1917 г. заявлению Художественно-исторической комиссии Верещагина о том, что в основе жизни государственных музеев лежит принцип их неприкосновенности, на наш взгляд, является переломным и по-настоящему революционным, определившим ту легкость, с которой в советское время осуществлялись передачи музейных экспонатов тысячами.

Завершение Гражданской войны и периода «первичного накопления музейных ценностей» привело к своеобразной музейной революции времен НЭПа. В середине 1920-х годов сотрудники Музейного фонда оказались вовлечены в глобальную реорганизацию, имевшую три основные цели: формирование государственной музейной сети, перераспределение памятников культурного наследия по стране, а также, что не маловажно, создание специализированных музеев.

Как всегда по-революционному четко и кратко эту мысль сформулировала Н.И. Троцкая: «Очищение музеев от *балласта* и научное определение типа музея, ведущее к освобождению части материала одного музея для другого, составляет очень важную часть реорганизации» [Троцкая 1926: 51].

Оружейная палата преобразована в Центральный музей высших достижений декоративного искусства и «освобождена от случайных предметов, попавших в нее как в царскую кладовую, и от непрофильных материалов» [Равикович 1988: 61–62].

Естественно, что в первую очередь подобная реорганизация касалась самых крупных хранилищ, способных служить материальной базой при создании новых научно-специализированных музеев.

Сотрудник Третьяковской галереи и Отдела по делам музеев и охраны памятников Наркомпроса Абрам Маркович Эфрос в 1924 г. дал развернутое определение новой музейной политики: «*Существование каждого музея должно быть оправдано. Этим самым была выдвинута проблема планового музейного строительства, т.е. государственной музейной сети.*

Музеям нынче ставился ряд требований: уничтожения всех случайностей в подборе материалов, *прекращения параллелизма в их работе, выявления основных музейных типов нужных республике*, координации работы всех музеев и связи их с общекультурной работой Республики» [Эфрос 1924: 254].

Государственный исторический музей был определен как Центральный музей истории русского быта, а все восточные коллекции переданы в Музей восточных культур [Равикович 1988: 61].

Сильнее всех пострадал Румянцевский музей, который был в 1924 г. просто ликвидирован. Русская часть его картинной галереи отправилась в Третьяковскую галерею, западноевропейская — в Музей изящных искусств (в настоящее время Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), коллекции из отдела древностей поступили в Государственный исторический музей, на основе этнографического музея возникает Центральный музей народоведения, библиотека и отдел рукописей стали «фундаментом» Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (Российская государственная библиотека) [Равикович 1988: 61].

Больше всех от этих преобразований выиграл Музей изящных искусств, превратившийся из учебного музея слепков при

Московском университете в Центральный музей старого западноевропейского искусства. Он получил не только картины из Румянцевского музея, но и коллекции Г.А. Брокера, Д.И. Щукина. В него передавались экспонаты из Эрмитажа и конечно из Музейного фонда [Равикович 1988: 63]. Причем в Москву отправляли предметы из Ленинградского отделения Музейного фонда, что вызывало понятное недовольство и сопротивление ленинградских сотрудников. Жена создателя и идеолога Коминтерна отвечала им: «В Москве очень слабо, вернее ничтожно представлена старая западная живопись, в интересах и научных и просветительных необходимо ее пополнить. Богатые коллекции старой живописи хранятся в Эрмитаже — там они и должны оставаться. Но имеется, как сказано выше, единый государственный музейный фонд, собранный революцией, преимущественно в Москве и Ленинграде. Старая живопись Москвы может быть пополнена только из той части фонда, которая находится в Ленинграде. Однако это вызывает возражения со стороны главного претендента — главного не по нужде, конечно, а по богатству: Эрмитажа.

Традиции прошлого — нечего греха таить — крепки в Эрмитаже и сейчас. Руководящие работники его склонны подчас усматривать в направляющей работе Музейного Отдела что-то вроде “уравнительного раздела”, а тем самым и гибели Эрмитажа» [Троцкая 1926: 51]. Естественно, по мнению товарища Троцкой, это было не так, и памятники отправлялись в Москву.

В Ленинграде особенно сильно от этой музейной революции пострадали дворцы-музеи, созданные революцией Октябрьской.

Собственные музеи

Небывалый рост и развитие музеев. Петроград стал теперь художественным центром и для Европы.

Г.С. Ятманов. «Деятельность Петроградского отдела музеев по охране памятников искусства и старины и музейному строительству»

Среди многочисленных национализированных, вместе со всем имуществом, зданий сотрудники Фонда еще в годы военного коммунизма выделили дома Строгановых, Шуваловых, Бобринских как представляющие исключительный интерес в архитектурном отношении, обладающие обширными собраниями произведений искусства и являющиеся, по сути, готовыми музеями [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 6]. Надзор над скульптурой в этих домах поручили скульптору В.А. Беклемишеву [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 27 об.].

Дома-музеи определили в ведение секции Национализированных зданий Музейного фонда, образовав из них группу собственных музеев, находившихся в подчинении заведующего Музейным фондом В.И. Ерыкалова, арендовавшего квартиру в Строгановском дворце [Соломаха 2015: 16].

Ерыкалов писал, что в результате неприкосновенности отобранных дворцов были сохранены Строгановская и Юсуповская галереи; Строгановская библиотека; Строгановская нумизматическая коллекция; Шереметевские собрания серебра и оружия; Шереметевский архив; Шуваловское собрание эмалей, фаянсов, картин [Ерыкалов 1924: 3].

О городской усадьбе Бобринских Луначарским и Советом Петроградской коммуны 19 марта 1918 г. издано специальное постановление: «Не подлежит никаким занятиям и реквизициям как исторический памятник и музей» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 112].

20 ноября 1919 г. решено использовать дворец Бобринских как временный склад Музейного фонда, а еще находящиеся там остатки коллекции Долгоруких присоединить к основной части

коллекции, уже сданной в Эрмитаж [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 44]. В 1922 г. этот особняк передали Русскому музею для организации Историко-бытового отдела [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 5 об.], и, соответственно, он оказался выведен из подчинения Музейного фонда.

Последний хозяин Строгановского дворца на Невском, граф Сергей Александрович, с 1907 г. жил за границей. В революционном Петрограде находилась его племянница княжна Елена Александровна Щербатова, работавшая в Художественно-исторической комиссии по крайней мере до 25 февраля 1918 г. [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 28]. В марте 1918 г., возможно после отъезда княжны Щербатовой, комиссаром Строгановского дворца-музея утвержден В.Я. Курбатов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 120]. В 1919 г. Уполномоченным хранителем Строгановского дворца назначен С.Р. Эрнст [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 21], а в мае 1921 г. хранителем Строгановского дома-музея становится ассистент Российской академии истории материальной культуры, помощник хранителя Эрмитажа Камилла Васильевна Тревер [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 51]. В 1923 г. издан каталог «Строгановский Дворец-музей. Итальянские медали», составленный крупным специалистом по античной нумизматике Александром Николаевичем Зограф [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 78]. В мае 1924 г. в Строгановском дворце восстановлен библиотечный характер Минерального кабинета [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 141].

В начале 1919 г. в секцию Охраны национализированных зданий поступил дом Шаховской [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 33], только второй этаж которого было признано желательным сохранить в полной неприкосновенности [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 4]. Позднее часть художественных ценностей из этого особняка была перевезена во дворец Нарышкиных-Шуваловых [Авгуль 1996: 158], национализированный 1 августа 1918 г. [Краско 2009: 274].

С превращением Шуваловского дворца на Фонтанке в музей возникли определенные трудности: часть раритетов была спрятана в тайниках, оставшееся имущество подготовлено к вывозу

и упаковано в ящики [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 41]. Из-за этого Шуваловский дом-музей смог принять первых посетителей примерно через год после экспроприации — 1 сентября 1919 г. [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 41 об.]. Усилиями Отдела в нем открылась выставка картин, гобеленов и произведений прикладного искусства [Прищепова 2000: 101]. Хранителем Шуваловского особняка стала Мария Сергеевна Коноплева [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 53], подготовившая к марту 1924 г. «буфетную выставку» обиходной посуды [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 120].

Несколько необычно развивалась ситуация с национализацией Шереметевского дворца на Фонтанке и его богатейших коллекций. «Бесхозное» имущество забиралось легко, как писал один из идеологов музейной революции А. Эфрос — «собственники бежали, ценности оставались; — стоило только собственнику скрыться, — коллекция объявлялась конфискованной и переходила в руки государства» [Эфрос 1924: 242]. Владелец Фонтанного Дома Сергей Дмитриевич Шереметев и его сын Павел Сергеевич находились в 1918 г. в России, в Москве.

30 апреля 1918 года В.А. Верещагин написал владельцу письмо:

«Милостивый Государь
Граф Сергей Дмитриевич.

Для охраны Вашей усадьбы и успешного отражения в будущем могущих быть попыток со стороны разных общественных организаций использовать дом для своих надобностей, Художественно-Историческая Комиссия при Зимнем Дворце находит желательным, чтобы при усадьбе Вашей поселился, за условленную квартирую плату, принявший на себя обязанности хранителя Член Комиссии Н.Г. Пиотровский.

Если с Вашей стороны не встречается возражений — не откажите сделать соответствующие указания Вашему управляющему Е.И. Петрову.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Председатель Верещагин» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 16. Л. 45 — 45 об.].

В 1918 г. Милостивый Государь и граф Сергей Дмитриевич Шереметьев не мог отказать в такой просьбе, хотя, возможно, это письмо было своего рода извинением за уже состоявшееся вселение Пиотровского. В июле 1918 г. Фонтанный Дом был национализирован.

В особняке, в котором находился Музей общества русской письменности [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 2], был открыт Музей истории дворянского быта. Его первым хранителем стал Н.Г. Пиотровский, давший, как записал в своем дневнике Н.С. Таганцев, обещание Сергею Дмитриевичу Шереметеву «оберегать его ценное хранилище» [Таганцев 1998: 146].

28 июня 1921 г. поступил на службу в Музейный фонд Владимир Константинович Станюкович, определенный с 15 ноября на постоянную работу в дом-музей Шереметева [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 68]. В июле 1923 г. Штат Шереметевского дворца пополнили сразу два научных сотрудника: О.В. Ротштейн из Института истории искусств и В.М. Смирнина из Петровского археологического института [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 55–56]. Остальные дома-музеи, как и сам Фонтанный дом, до июля 1923 г. имели только ученых хранителей и несколько человек вспомогательного персонала. Хранитель Шереметевского дворца В.К. Станюкович прочитал в 1923 г. в Академии истории материальной культуры лекцию о постройке усадьбы Останкино [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 80]. В 1924 г. в Шереметевском дворце открыли залы: История Фонтанного Дома как архитектурного памятника; Комната памяти Т.В. Шлыковой и крепостного театра; Комната детского обихода [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 96]. В феврале В.К. Станюкович закончил работу «Крепостные художники Шереметевых» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 109]. Весной им было сделано несколько докладов о крепостных художниках Аргуновых, архитекторе Алексее Миронове [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 144], а также велась работа по подготовке к открытию двух новых комнат домашнего обихода [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 122].

Хранителем дома-музея Юсупова был Яков Федорович Попов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 134. Л. 88]. В 1923 г. С.Р. Эрнстом прово-

дилась работа по подготовке путеводителя по Юсуповскому дворцу [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 77 об.]. В 1924 г. в Юсуповском дворце подготовлена новая выставка — «Распутинские комнаты» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 182].

В начале 1920-х годов количество подчиненных Музейному фонду музеев постоянно увеличивалось. В 1920 г. в ведении Секции национализированных зданий находилось два действующих дома-музея — Шереметева (Музей дворянского быта), с состоящим при нем Музеем древней русской письменности и искусства, а также дом-музей Е.В. Шуваловой. Фонтанный дом Шереметьева в 1920 г. посетило 570 человек, Шуваловский дворец — 2212 [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 75 об.]. А к 1 октября 1921 г. принимали экскурсантов Юсуповский, Строгановский, Шереметевский и Шуваловский особняки, квартира Олив [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 110 об.].

В ведении Садовой секции находились парки и оранжереи — Таврический, Елагиноостровский, Петергофский, Ораниенбаумский, Детскосельский и Гатчинский, Летний сад, а также закрытые для посетителей — Стрельнинское, Михайловское, Знаменское (так в документах ГМФ. — Д.И.) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 110 об.]. А в ноябре 1921 г. к уже перечисленным добавились Екатерингофский дворец и дворец Петра I (в Летнем саду); Петропавловский собор, домик Петра Великого (с часовней Спасителя). У Музейного фонда появились и собственные музеи за пределами Петрограда — усадьбы Марьино и Грузино [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 2], последнее посетило до 2000 человек [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 3]. Причем организацию музея в имени Грузино курировал лично заведующий Музейным фондом В.И. Ерыкалов. В 1922 г. к подведомственным музеям прибавился Меншиковский дворец со смежным музеем Шляхетского корпуса [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 5 об.].

Развитию собственных домов-музеев, организации в них выставок Музейный фонд уделял большое внимание. Усилия организации в начале 1920-х годов были направлены на превра-

щение бывших частных дворцов и их собраний в полноценные музеи.

В 1921 г. на работу была принята Анна Сергеевна Жемчужникова, с поручением организовать выставки Музейного фонда в Каменоостровском дворце и на даче бывшего принца Ольденбургского на Каменном острове [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 1]. Мы полагаем, что Анна Сергеевна была дочерью семейного врача Шереметевых Сергея Александровича Жемчужникова. В ноябре 1921 г. начал принимать посетителей Елагиноостровский дворец (6344 человека) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 3], хранителем которого назначен художник-архитектор Николай Петрович Никитин [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 59].

В 1923 г. заведующим Екатерингофским дворцом, дворцом в Летнем саду и Петропавловским собором был Ф.К. Эдревич [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 134. Л. 72]. В 1924 г. хранителем-архитектором О.М. Равицкой составлен первый отчет о работе Петровского дворца в Летнем саду, Екатерингофского дворца, Домика Петра I, Петропавловского собора. 1 июля введена книга посещаемости собора, в котором за месяц побывало 9000 человек [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 158].

В 1924 г., в самый разгар «музейной революции» Троцкой и Эфроса, Ленинградский музейный фонд приступил к большой работе по подбору экспонатов для московских музеев. Просматривались собрания на складах фонда, в Юсуповском дворце, Музеях Художественной культуры и фарфорового завода [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 136 об.]. По Ленинграду начинают ходить слухи о скором закрытии домов-музеев.

Хранитель Шуваловского дворца и сотрудник Русского музея Мария Сергеевна Коноплева так описывала в отчете впечатление от посещения особняка московскими коллегами, «открыто порицавшими устройство музея “не соответствовавшее марксистской точке зрения” и упускавшими при поверхностности ознакомления с несколькими залами из виду, что мы находимся перед лицом исторического памятника, переустройство и перегруппировка в котором недопустимы с научной точки зрения, или столь же

открыто делавшими пометки о предметах, которые при ликвидации особняка могли бы пополнить Московские музеи» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 142]. **А также:** «После изъятия 20–30 лучших картин из 160 выставленных в особняке в настоящее время нанесло бы такой существенный ущерб, что после него говорить о наличии в особняке ценного собрания картин было бы неуместно. Нет оснований полагать, что изъятия ограничились бы только картинами, весьма вероятно, что та же судьба постигла бы и коллекцию прикладного искусства» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 142].

Отчаянные попытки Коноплевой сохранить дом-музей были обречены на провал. Московские музеи нуждались в шедеврах, а дома-музеи, выделенные в 1918 г. как **готовые музеи, обладающие** ценнейшими сформировавшимися собраниями, перестали соответствовать новому научному подходу. Не только московские коллеги, но и Александр Бенуа, выступая в целом за сохранение музея в Шуваловском особняке, допускал, что из него могут быть изъяты 20–30 выдающихся произведений для пополнения центральных музеев [Бенуа 2015: 255].

Было прекращено бюджетное финансирование дворца, а самые ценные экспонаты (картины, скульптура, мебель) отправились в Москву. 6 июля 1924 г. **М.С. Коноплева** подала «мотивированное заявление» об уходе со службы [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 154]. Заявление, видимо, было отклонено, поскольку 23 сентября Мария Сергеевна принимала участие в ликвидации последствий наводнения, затопившего весь первый этаж особняка и вестибюль [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 171].

Московский музейный фонд проявил также интерес к Фонтанному Дому, откуда в Останкино был отправлен альбом планов этой усадьбы в 313 листов, а также 31 экспонат [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 172].

Предметы из ленинградских дворцов были нужны не только московским музеям, но и Коминтерну. 8 августа товарищ Иванов вывез в Москву для Коминтерна мебель из Юсуповского дворца [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 168].

История домов-музеев, о которых Луначарский говорил: «А какие чудеса открыты в настоящее время обозрению народных масс и учащихся во дворцах Юсупова, Строганова и других!» [Луначарский 1941: 484], подходила к концу.

Музей в Шуваловском дворце, за который боролась М.С. Коноплева, прекратил существование в 1925 г. Коллекции из особняка поступили в Эрмитаж, Русский музей, Музейный фонд [Авгуль 1996: 158]. В самом здании вскоре расположился Дом печати [Авгуль 1996: 160].

5 июня 1925 г. Строгановский дворец на Невском был передан Государственному Эрмитажу [Соломаха 2015: 22], но эта мера оказалась лишь временной отсрочкой перед окончательной ликвидацией музея в 1930 г. **Собрание Строгановых было разделено** между Эрмитажем, Русским музеем, пригородными дворцами и Публичной библиотекой; Музею антропологии и этнографии Академии наук досталась археологическая коллекция⁴⁵ [Соломаха 2015: 30], но лучшие произведения из особняка были проданы.

Схожая судьба ожидала и музей в городской усадьбе Шереметевых. 5 июля 1925 г. **Фонтанный дом Шереметевых перешел в ведение** Историко-бытового отдела Русского музея, которому также отошли Летний дворец Петра I в Летнем саду и Меншиковский дворец [Краско 2009: 293], однако это тоже была лишь пауза перед закрытием музея. В 1929 г. здание Фонтанного Дома было передано Совинтуристу, а экспонаты перераспределены между музеями [Краско 2009: 301].

---

⁴⁵ Это коллекция № 4115, поступившая из Строгановского дома в 1930 г. Состав коллекции: каменные, костяные, бронзовые, железные, серебряные вещи из литовских курганов (Опись коллекции № 4115). По всей видимости, происхождение этих артефактов связано с археологическими изысканиями графа Сергея Григорьевича Строганова.

Работа с музеями и иными учреждениями

Слушайте! Ваша мебель музейного значения не имеет. Ей место не в музее, а в казарме штрафного батальона.

И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»

Основная работа Музейного фонда была направлена не только и не столько на организацию подчиненных ему домов-музеев, сколько на пополнение запасников и экспозиций Эрмитажа, Русского музея, Музея антропологии и этнографии, Пушкинского Дома, а также на формирование собраний новых, появившихся в результате послереволюционного бума музеев.

Еще весной 1918 г. В.А. Верещагиным, А.Н. Бенуа, П.П. Вейнером, Б.А. Надеждиным обсуждалось возможное дальнейшее использование Зимнего дворца. Они пришли к выводу, что дворец может служить для расширения Эрмитажа, а также устройства музеев о дворцовой жизни с включением исторических покоев, портретного и топографического [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 16. Л. 66]. В 1918 г. в бывшей императорской резиденции начал работать Дворец Искусств.

В январе 1919 г. журнал «Бирюч» писал: «Новая администрация Эрмитажа прежде всего поставила своей задачей распространиться насчет Зимнего дворца.

— В нашем идеале — дойти до такого объема, как парижский Лувр, — сказал нам Алекс. Бенуа» [Бирюч 1919: 20]. В 1922 г. Дворец Искусств (Зимний дворец) присоединен к Эрмитажу, которому переданы экспонаты Конюшенного музея, реэвакуированные из Москвы [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 3].

К 1923 г. Эрмитаж и Русский музей получили через Музейный фонд экспонаты из коллекций Долгорукого (с Галерной), Лейхтенбергских, Мятлевых, Дурново, Шереметевых (со Шпалерной), Нарышкиных (с Сергиевской, 29), Воронцовых-Дашковых, Воронцовых-Шуваловых, Горчакова, Олив, Паскевича, Рудановского [Ерыкалов 1924: 2]. Г.С. Ятманов отмечал: «Рост самих музеев

за время революции колоссальный. Эрмитаж сейчас развернут в 80 залах, к концу 1923 г. займет в отведенном Зимнем дворце до 120 зал» [Ятманов I 1923: 9].

В годы музейного бума в Петрограде появилось и много новых, зачастую необычных музеев, чему способствовало большое количество пустующих зданий и квартир.

27 марта 1919 г. руководством Музейного фонда решено предоставить часть помещений Каменноостровского дворца Институту по изучению мозга и психической деятельности для устройства показательного музея [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 27 об.].

Одним из послереволюционных музеев стал Театральный музей. Журнал «Бирюч» писал, что мысль о создании Музея Государственных театров появилась у артистов труппы Государственной Драмы весной 1918 г. [Бирюч. 1919. № 17–18: 302]. В январе 1919 г. музей находился в состоянии формирования: «Пока имеется только помещение для него, каковая является квартира бывшего директора театров В.А. Теляковского. Лучшего помещения нельзя и желать, но сейчас оно в состоянии полного хаоса» [Бирюч. 1919. № 9: 21].

7 августа 1919 г. Театральный музей обратился с просьбой предоставить ему «стильной мебели различных эпох на предмет развития у слушателей Школы Русской Драмы художественного вкуса и содействия правильной постановке пьесы» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 15]. Театральному музею Отделом выделена мебель в стиле ампир и рококо [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 38 об.] из Бюро и национализированных квартир [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 15]. **Для посетителей музей открылся 16 мая 1920 г. В марте 1924 г. Музейный фонд выделил Театральному музею 96 книг и 20 акварельных рисунков Григорьева к постановке «Бориса Годунова»** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 115 об.].

В начале 1920-х годов, после снятия фактической блокады Петрограда, у Музейного фонда появляется еще одно важное направление деятельности — пополнение региональных музеев.

В 1920 г. был создан Уфимский художественный музей [Музейное. 2003: 136]. 5–12 марта 1920 г. тов. Максимовым из Петрограда была отправлена в Уфимский подотдел по делам музеев

и охране памятников картина XV в. из собрания князя Орбелиани [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 8], 20 августа 1920 г. тов. Максимов уже непосредственно в Уфимский музей передал еще ряд произведений искусства [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 2–8].

В 1921 г. Музейный фонд отослал в различные местные музеи множество произведений искусства. В Ветлужский музей, Устюженский музей (картины, фарфор, бронза), Смоленский музей (картины), Пермский музей (гравюры), Радищевский музей в Саратове (картины), и опять-таки 45 экспонатов в Уфимский музей им. Октябрьской Революции [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 13, 44 об., 55 об.].

Передавали много, причем будущие владельцы далеко не всегда торопились за предназначенными для них экспонатами. Ярославский музей несколько месяцев не забирал подготовленные для него предметы. Руководство Музейного фонда было вынуждено даже уведомить Ярославский музей о том, что если упакованные в ящики и лежащие в коридоре дворца (Ново-Михайловского. — Д.И.) раритеты не будут увезены, то будут считаться поступившими обратно в фонд [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 18].

В результате в Музейном фонде скопилось такое количество различных артефактов, что было объявлено: «Ввиду необходимости усилить работу по регистрационной описи вещей, сосредоточенных в Отделении Бюро в Ново-Михайловском дворце, временно прекратить отбор и отпуск вещей Центральным и Провинциальным музеям» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 60 об.].

При этом изъятые из частных собраний предметы попадали далеко не только в музеи, но и в самые различные учреждения, включая Петроградский дом предварительного заключения, которому досталась мебель из Шереметевского дворца [Станюкович 2005: 220].

Позднее Музейный фонд выдаст цветочному магазину 15 предметов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 71]. Что мог передавать Музейный фонд в цветочный магазин? Ответ нашелся в другом документе: это были вазы, реквизированные из частных собраний [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 88].

Вот еще несколько интересных примеров использования экспропрированного имущества: в клуб Карла Либкнехта попали бронзовые часы — бывшая собственность профессора Отта⁴⁶ [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 21], в клуб курсов командного состава флота: бронзовые часы, женская бронзовая фигура, позолоченные канделябры [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 52, 53, 54], а клубу военно-технических курсов достались часы из светлой бронзы с тремя медальонами [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 53].

Очень показательная история приключилась с предметами, выданными 9 сентября 1920 г. из хранилищ Музейного фонда в клуб Петроградского общества эсперантистов и коммунистической молодежи. Всего им отдали «на хранение» 15 вещей (8 картин, 3 фарфоровые вазы, 4 бронзовых изделия) [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 1]. Дореволюционным владельцем одной из vaz был уже упоминавшийся профессор Отт. Как это ни покажется странным, но в списке на выдачу отсутствует подпись принимающей стороны, а указан лишь адрес Фонтанка 17, кв. 5 [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 1].

Перипетии этого собрания представляются настолько примечательными, что хотелось бы полностью привести один документ, составленный уже в 1924 г. и прекрасно показывающий, какой сложной и запутанной оказывалась судьба бывшего частного имущества в 20-е годы XX в.

«До Управления Государственного Музейного Фонда
Научного сотрудника
Худ. М.П. Мошкова

Доклад.

По поручению Управления Гос.Муз.фонда от 15/III с.г. я отправился для проверки предметов, выданных Складом Гос.

---

⁴⁶ Профессор Дмитрий Оскарович Отт (1855–1929) — акушер-гинеколог, с 1895 г. лейб-акушер Императорского двора, а с 1893 г. — директор Императорского клинического повивального акушерско-гинекологического института. Д.О. Отт способствовал строительству нового здания для института на Васильевском острове (в настоящее время НИИ акушерства и гинекологии им. Д.О. Отта РАМН).

Муз.фонда 9/X 20 г. в клуб комитета Ленинградского О-ва эсперантистов и коммунистической молодежи по адресу Казанская, д. 5⁴⁷.

Отправившись по этому адресу, я не нашел клуба, и там даже не могли дать справки, где он. Таких же справок не мог получить и в Губпросвете, и в комитете Р.К.С.М. в Смольном, и только случайно в президиуме исполкома центрального района я узнал адрес, где могу узнать о существовании клуба или его имуществе, а именно в Обществе «Межесперо» Казанская, 2. Там получил необходимые сведения: что вследствие отсутствия средств клуб был свернут, а картины и предметы были взяты тов. Микле Руди Вольдемар Густавовичем Мойка, 42, кв. 36 на свою квартиру, которая отапливается и в сравнительной безопасности. К тов. Микле приходилось ходить несколько раз, и только вчера вечером удалось его увидеть и иметь возможность проверить картины и предметы, причем оказалось, что все вещи находятся в целостности, только нижеследующие, № 2113 Ваза стекло разбито, № 3019 Кашпо дно разбито, повреждение. Микле Руди объяснил, что он единственный человек в клубе, который имел квартиру в хорошем состоянии и поэтому, желая сохранить в целостности имущество Музейного Фонда, взял ее к себе временно на сохранение. К настоящему докладу прилагается акт от 9/VII с.г. и Выписка из акта Петроград. О-ва Эсперантистов Эсперо от 12 июня [19]23 г.

Марат Мошков

10/VII [19]24 г.» [АГЭ. Ф. 4.Оп. 1. Д. 42. .Л. 2].

Что дальше произошло с этими картинами и вазами, мы не знаем, зато мы можем кое-что рассказать о будущем участников этой истории.

Из секретной докладной заведующего музейным фондом: «20 января [19]28 г. представителем ГПУ был взят с места его

---

⁴⁷ В документе о выдаче предметов, как отмечалось, указан другой адрес.

занятости (Канцелярия Музейного Фонда) эксперт М.П. Мошков для допроса, и ни в этот, ни в последующие дни на службу не явился, т. к. был ГПУ задержан» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 16].

О другом участнике можно прочесть в «Списке граждан, расстрелянных в 1937–1938 гг.»: тов. Микли-Руди Вольдемар Густавович, 1890 г.р., эстонец, агент по снабжению пароходов заграничного плавания Лен. Главного морского агентства, проживавший по адресу: г. Ленинград, наб. Мойки, д. 42, кв. 36, был арестован 14 ноября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР и в 1938 г. приговорен к высшей мере наказания по статье 58 (контрреволюция). Расстрелян 4 февраля 1938 года [Списки граждан].

Естественно, что эксперты Музейного фонда выделяли магазинам, клубам и другим организациям только те предметы, которые, по их мнению, *не представляли музейной ценности*. Вопрос только в том, насколько правомерной была эта оценка, особенно в отношении восточных раритетов, и какое количество экспонатов, представляющих в настоящее время интерес для многих музеев, отправилось «в казармы штрафных батальонов».

Вне Петрограда

В настоящее время не только в Петербурге, <...> но и в провинции Отдел охраны памятников старины и произведений искусства имеет своих агентов, которые с помощью интеллигентных крестьян и рабочих блюдают как зеницу ока все народное достояние — художественные ценности.

А.В. Луначарский. «Советская власть и памятники старины»

Сразу же после Октябрьской революции стало очевидно, что наибольшей опасности разграбления подвергаются многочисленные загородные особняки. 25 февраля 1918 г. на заседании

Художественно-исторической комиссии специально приглашенная Елизавета Сергеевна Кругликова⁴⁸ высказала мнение о необходимости определения мер по охране помещичьих усадеб [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1в. Л. 22]. Учитывая эту проблему, при разделении Отдела на секции в 1918 г. создали специальную секцию по работе вне Петрограда (5-я, Иногородняя). Ее поначалу возглавлял заведующий 1-й (Архитектурной) секцией [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 35 об.] — архитектор, реставратор, исследователь древнерусского зодчества, занимавшийся вопросами охраны памятников еще до революции, Владимир Васильевич Суслов⁴⁹.

17 декабря 1918 г. Владимир Васильевич Суслов предоставил опись хранящихся у него на квартире произведений искусства, включавших, помимо работ самого Суслова, картины кисти И.Е. Репина, А.В. Маковского, В.Е. Маковского, А. Бенуа, а также

---

⁴⁸ Елизавета Сергеевна Кругликова (1865–1941) — художница, мастер эстампа и силуэта. После революции преподавала в Академии художеств.

⁴⁹ В.В. Суслов родился в 1857 г. в семье крепостного крестьянина-иконописца. Детство провел в Москве, где отец, после отмены крепостного права, владел иконописной мастерской [Лисовский 1971: 7]. В 1882 г. закончил Академию художеств в Петербурге [Суслова 1978: 10]. В 80-е годы XIX в. совершил ряд поездок по России, занимаясь фиксацией памятников русской старины — зарисовкой, фотографированием, схематичными обмерами, попутно собирал коллекции для Академии художеств [Суслова 1978: 13–15]. С 1887 г. член Русского археологического общества [Суслова 1978: 20]. В 1887–1900 гг. исследовал церковь св. Петра и Павла в Новгороде, крепость в Старой Ладогe, церковь Успения на Волоотовом поле. В это же время им были составлены проекты реставрации Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Спасо-Мирожского монастыря в Пскове, церкви Спаса на Нередице в Новгороде. С 1893 по 1900 г. занимался реставрацией Новгородской Софии [Суслова 1978: 22]. С 1895 по 1901 г. издал семь выпусков «Памятников древнерусского зодчества» [Памятники 1895–1901]. В 1915–1916 гг. участвовал в работе комиссии по постройке «Федоровского городка» в Царском селе [Лисовский 1971: 24].

разного рода древности, добытые при исследовании и реставрации новгородской Софии [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 270].

Декрет от 23 января 1918 г. **об отделении Церкви от государства** фактически определил, что главная работа секции теперь будет сосредоточена не столько на сохранении усадеб, сколько на учете церковных ценностей, к которому решено было привлечь духовенство.

14 марта 1919 г. принят на службу архимандрит Ювеналий, командированный в Новгород для участия в комиссии по описанию церковной старины [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35, Л. 22 об.]. Иногородняя секция провела регистрацию имущества в Новгороде, Иверского (г. Валдай) и Юрьева монастырей. Осмотрели свыше 30 имений [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 21]. В процессе работы стали складываться региональные подотделы охраны памятников [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 25]. Для Новгородской и Череповецкой губерний назначили особого Уполномоченного-эmissара. Им стал художник, выпускник Академии художеств, проживавший в Новгороде, Николай Всеволодович Лишев⁵⁰. В июне 1919 г. Николай Всеволодович сообщил в Петроград о планах по застройке в районе храма Спаса на Нередице. Отдел решил срочно телеграфировать Новгородскому губернскому исполкому о недопустимости каких-либо построек в этом месте [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 51]. **Уполномоченным по 1-й (видимо Петроградской. — Д.И.) губернии** определили Е.С. Рахлина-Румянцева [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 18].

Образованы подотделы: Новгородский губернский, Старорусский уездный, Череповецкий губернский, Кирилловский и Белозерский уездные. В другие районы Новгородской губернии, в Ямбургский уезд Петроградской губернии, в Псковскую и Олонецкую губернии командированы сотрудники для выявления исторических памятников [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 42]. Составлена инструкция по учету и охране памятников вне Петрограда [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 46–56].

⁵⁰ О Н.В. Лишewe см.: [Григорьева 2014: 14–15].

27 марта 1919 г. **В.В. Суслов сообщил о создании минского подотдела охраны** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 27], а летом Суслов отправился в Саратовскую губернию для изучения памятников в селах и усадьбах [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 50 об.]. Осенью 1919 г. в сферу деятельности вошли также Витебская и Смоленская губернии [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 36. Л. 36 — 36 об.].

5 июня 1919 г. стало известно, что Уполномоченный Московской коллегией Анисимов собирается вывезти из Кирилло-Белозерского монастыря две иконы («Успение» и «Одигидрия»), работы Рублева, находящиеся в иконостасе Успенского храма. Узнав об этом, Петроградский Отдел постановил: «Признавая совершенно нежелательным и нецелесообразным изъятие столь больших местных художественно-исторических ценностей без особо уважительных к тому оснований, немедленно установить телеграфное сношение с Московской коллегией местным подотделом по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины об оставлении указанных предметов на месте» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 49]. Однако 14 июня Анисимов вывез из обители две иконы работы Рублева и пытался вывезти две старинные художественные пелены, но последние были задержаны архимандритом монастыря [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 51 об.]. Вывоз памятников из Кирилло-Белозерского монастыря был прекращен по категорическому распоряжению из Петрограда (как покажет история, временно. — Д.И.), однако этот случай продемонстрировал растущий антагонизм Петроградского и Московского Отделов, каждый из которых считал указанную местность подведомственной себе [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 18]. К тому же Н.В. Лишев сообщил о неудовлетворительной реставрации икон, произведенной Московской реставрационной мастерской в Кирилло-Белозерском, Кирилло-Новоезерском и Ферапонтовом монастырях [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 18 об.].

В 1920 г. иногородняя секция описала 215 памятников в Новгородской, Череповецкой, Северо-Двинской, Олонецкой, Петроградской, Псковской и Витебской губерниях. Работа в Архангель-

ской и Смоленской губерниях перенесена на 1921 г. [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 97. Л. 77].

В 1921 г. овдовевший (его жена умерла в 1920 г.) и тяжело больной чахоткой Владимир Васильевич Суслов просил освободить его от работы, связанной с длительными путешествиями по разоренной Гражданской войной России, однако коллеги уговорили его совершить последнюю поездку. Летом выехавший в Хвалынск В.В. Суслов слег окончательно. В июне Владимир Васильевич написал секретарю Музейного фонда Александровой полное отчаяния письмо: «Хозяйство мое в Петрограде все разорено, я сам вырван из почвы с корнем. Все пережитое в Питере настолько тяжело, что начинать снова жить там невыносимо, да и здоровье мое требует юга. Хотелось бы, если Бог даст здоровья, устроить себе в Крыму служебное положение по заведованию древними сооружениями Крыма» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 110]. Этому пожеланию не суждено было сбыться. 31 августа 1921 г. Владимир Васильевич Суслов скончался в Хвалынске от туберкулеза легких и склероза сердца [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 110].

В начале 1922 г. шестеро детей Суслова (от 4 до 18 лет) вернулись в Петроград. В их старую квартиру на Кадетской линии к тому времени были уже вселены другие люди. Анна Владимировна Суслова (старшая из детей) попыталась вернуть семье часть мебели отца. В этом ее поддержал Музейный фонд, желавший, в свою очередь, получить художественные коллекции и библиотеку покойного.

30 января 1922 г. Анна Суслова и служащая Музейного фонда Н.В. Курнецова пришли на Кадетскую линию, но в квартиру их не пустили новые жильцы: «30-го января 1922 г. я, по поручению Отдела, должна была провести подготовительную работу (составление описи, укладка вещей) в кв. худ. Суслова № 2 в д. № 7 по Кадетской линии В.О. Явившись на работу, я не была допущена в квартиру живущей там Веселовой, к-я объявила, что она без мужа ни одной вещи не отдаст. <...> 31-го января к назначенному сроку прибыла подвода с ящиками для книг и трое рабочих. Я с Управдомом и представителем Домкомтруда позвонила

в кв. № 2. **Открыл дверь гражданин Трейгут, живущий там, встретил нас грубыми словами и в грубом тоне вел весь остальной разговор.** С первых слов, он заявил, что никаких вещей он не отдаст, что он не может отдавать “каким-то людям” вещи, о к-х он должен дать отчет жилищному (следующее слово в тексте неразборчиво. — *Д.И.*). На мое заявление, что я имею мандат и определенные бумаги за печатью, удостоверяющие мою личность и дающие право вывезти вещи в указанное Отделом место, Трейгут сказал, что печать может иметь всякий, что например у него на столе тоже стоит печать. Выразив полное недоверие к моим полномочиям, он подтвердил его требованием иметь бумагу из Дворца Искусств на его имя и заверенные копии документов, имеющиеся у меня на руках, добавив, что о дне вывоза его нужно предупредить заранее. На мои слова, что проверяя 17/1 [19]21 г. картины в их квартире, я уже предупреждала квартирантов о том, что вещи могут быть вывезены в непродолжительном времени, <...> Трейгут отвечал грубым отказом и криком [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 270. Л. 24 — 24 об.].

Дальнейшая судьба собрания Сулова, хранившегося у него на квартире, нам неизвестна. 3 июня 1926 г. **Музейный фонд постановил:** «Ввиду невозможности получения каких бы то ни было сведений об имуществе, числившемся под охраной по удостоверению за № 1242 (номер охранного удостоверения на имущество Сулова от 17 декабря 1918 г. — *Д.И.*) и отсутствием владельца, считать вышеупомянутое учетное удостоверение аннулированным и дело подлежащим ликвидации» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 270. Л. 32].

16 июня 1921 г. **принято решение об образовании особого отделения Музейного фонда для предметов церковной старины** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 36 об.].

В 1922 г. **усилиями Иногородней секции в Александро-Свирском монастыре устроен Музей Древлехранилище, а в Петроград вывезли архив монастыря, а также 137 произведений из Соловецкой обители** [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 3].

Заведующим Иногородней секцией в 1921 г. стал Е.С. Рахлин-Румянцев [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 112. Л. 22 об.]. **Евгений Семе-**

нович Рахлин-Румянцев — собиратель и признанный знаток церковной старины, задумавший создать храм-музей в селе Рютино Валдайского уезда Новгородской губернии. Строительство храма-музея по проекту гражданского инженера Г.П. Хронжгтовского началось в 1916 г. За основу были взяты архитектурные формы Великого Новгорода и Пскова, тем более что «старина собиралась Е.С. Рахлиным-Румянцевым преимущественно на земле Древнего Новгорода и его “пятинах”» [Романченко 1922: 1]. После революции идея храма-музея была поддержана сначала В.А. Верещагиным, а позднее и В.И. Ерыкаловым.

8 октября 1922 г. храм-музей в Рютино был торжественно открыт. В Петрограде вышел «Краткий путеводитель по храму-музею, сооруженному Е.С. Рахлиным-Румянцевым в Новгородской губернии, Валдайского уезда близ села Рютино», составленный историком архитектуры, коллекционером, действительным членом Археологического института, автором «Древностей Старой Ладogi в памятниках зодчества» [Романченко 1905] и сотрудником Музейного фонда Николаем Романченко [Романченко 1922].

В храме-музее было четыре отдела. Первый заключал многочисленные образцы медного литья крестов и образов с XII до начала XX в. [Романченко 1922: 2, 6]. Второй представлял образцы русской иконописи с XV в. В третьем была собрана резьба по дереву, кости, финифть. Четвертый отдел был единственным в России собранием паникадил и лампад [Романченко 1922: 2].

13 августа 1923 г. храм-музей в Рютино был закрыт. Фонды музея переданы Новгородскому музею, а в Рютино организована исправительно-трудовая сельскохозяйственная колония. Храм-музей, так долго создававшийся крупным специалистом по русской старине Е.С. Рахлиным-Румянцевым, просуществовал меньше года. Экспонаты были разделены Новгородским губернским музеем на три категории — артефакты, желательные для Новгородского музея древнего искусства (41 номер); намеченные для передачи в Маловишерский уездный музей (276); вещи, признанные не имеющими музейного значения и отданные в пользование совхозу (23) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 238. Л. 8].

В 1923 г. убит составитель единственного путеводителя по храму-музею Н.Ф. Романченко, в феврале 1924 г. его собрание было передано на хранение в Эрмитаж [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 99 об.).

5 января 1924 г. арестован Е.С. Рахлин-Румянцев. 2 июня 1924 г. осужден Коллегией ГПУ по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже и приговорен к расстрелу. В это время, в январе 1924 г., собранные им раритеты так и не были вывезены в Новгородский и Маловишерский музеи, а оставались лежать в одном из домов Рютино [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 238. Л. 7–8]. Основатель храма-музея был расстрелян 28 июля 1924 г. в Москве. Дальнейшая судьба его коллекций нам не известна.

Ликвидация 1926–1929

Наша страна тем, между прочим, и отличается от капиталистических стран, что она не может, не должна заниматься грабежом колоний и вообще ограблением чужих стран. Стало быть, этот путь для нас закрыт. Но наша страна не имеет также и не хочет иметь кабальных займов извне. Следовательно, закрыт для нас и этот путь. Что же остается в таком случае? Остается одно: развивать промышленность, индустриализировать страну за счет *внутреннего* накопления.

И.В. Сталин. Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г.

В 1926 г. в журнале «Наука и искусства» опубликована программная статья Н.И. Троцкой «Музейное строительство и революция» [Троцкая 1926: 29–53], значительная часть которой посвящена созданию единого Государственного музейного фонда. По злой, но распространенной исторической иронии, опублико-

вание пафосного провозглашения о создании произошло в момент, когда этот самый фонд находился в тяжелой агонии и до его конца оставалось совсем немного.

В 1926 г. Ленинградское отделение Государственного музейного фонда возглавил Г.С. Ятманов, однако уже 1 февраля 1927 г. его на этой должности сменил профессор Академии художеств Дмитрий Михайлович Максимов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 277 об.]. Эта очередная смена руководства, как и последующие за тем кадровые перестановки, должна была способствовать безболезненному умерщвлению организации, собравшей после революции десятки тысяч ценнейших экспонатов. В феврале в Музейный фонд зачислены два новых служащих — Н.В. Куранов и А.Н. Трухачев. Осенью к ним присоединятся Л.А. Иванова и женщина с весьма примечательной судьбой А.Э. Капман.

Августа Эрнестовна Капман родилась в городе Тукумс в семье ремесленника. В 1909 г. окончила Правительственное училище. В 1911 г. работала чернорабочей на мыловаренной фабрике Мюлленса в Риге, попутно посещая курсы рисования, живописи и лепки. В партию вступила в 1913 г. В 1915 г. за революционную деятельность приговорена к двум годам заключения. После освобождения работала конторщицей в железнодорожных мастерских в городе Великие Луки. В октябре 1917 г. избрана в Великолукский Совдеп, где была председателем следственной комиссии до 1919 г. С 1919 по 1920 г. — член юридической коллегии Псковского ГубЧК. С 1921 по 1922 г. — инструктор информатор Псковского Губкома РКП(б). В 1922 г. командирована Псковским Губкомом в Высший Художественный Технический институт в Ленинграде, который окончила 7 июля 1927 г., осенью этого же года пришла на работу в Ленинградское отделение Музейного фонда в качестве помощника хранителя Отделения прикладного искусства [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 30 — 30 об.].

Эти новые люди устроились на работу очень вовремя, поскольку и в конце 1920-х годов количество коммунистов среди сотрудников было минимально. В своем донесении ОГПУ в октябре 1927 г. товарищ Максимов отметил, что «старый научный

состав настроен не советски» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 12], а для новых задач были очень нужны «надежные» люди.

В результате Максимовым для дальнейшего трудоустройства, после ставшей уже очевидной ликвидации Фонда, были отобраны только пятеро «проверенных» партийных научных сотрудников (включая самого Максимова) [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 23]. Все они поступили на службу в 1927 г.

В 1926–1927 гг. из Ленинградского музейного фонда и дворцов-музеев было отправлено для продажи в гос. Антиквариате раритетов на 1 миллион рублей [Российская. 2001.Т. 1: 146]. В Москве магазин, торгующий экспонатами, находился на Тверской, 26, а в Ленинграде — на Дворцовой набережной, 18 [Жуков 1992: 87] — непосредственно по адресу Ново-Михайловского дворца, где располагалось и само Хранилище Музейного фонда (очень удобно. — *Д.И.*).

Эта продажа «буржуйского добра» метко описана в 1927 г. Михаилом Зощенко в рассказе «Царские сапоги»: «В этом году в Зимнем дворце разное царское барахло продавалось. Музейный фонд, что ли, этим торговал. Я не знаю кто» [Зощенко 1994: 210]. Главный герой с подружкой хотели купить самовар, которого не оказалось. «Зато других вещей было множество. И вещи, действительно, все очень великолепные. Разные царские портьеры, бордюры, разные рюмочки, плевательницы, сорочки и другие разные царские штучки. Ну, прямо глаза разбегаются, не знаешь, за что схватиться и какую вещь приобрести.

Тогда Катерина Фёдоровна на свободные деньги купила, вместо самовара, четыре сорочки из тончайшего мадаполама. Очень роскошные. Царские» [Зощенко 1994: 210]. Сам главный герой покупает себе «царские сапоги» за восемнадцать целковых, но вот беда, на четвертый день сапоги развалились, тогда он попытался жаловаться: «Конечно, на другой день сходил в Музейный фонд. А там уже и торговать кончили — закрыто» [Зощенко 1994: 211].

В этом рассказе точно отражен ассортимент, поступавший в широкую продажу в СССР: «царские портьеры, бордюры, разные рюмочки, плевательницы, сорочки и другие разные царские

штучки». За рубли продавали только заурядные вещи, настоящие произведения можно было купить в магазинах экспортно-импортного объединения «Антиквариат» за валюту. У Зоценко есть только одна маленькая историческая неточность: Музейный фонд еще не закрылся и торговать, на самом деле не кончили — торговать по-крупному только начинали. Не заметить это было невозможно.

15 апреля 1927 г. в уездном городе N умерла теща Ипполита Матвеевича Воробьянинова [Ильф, Петров 2009: 8], в этом же году в Москве с аукциона Главнауки пойдет с молотка ненужный «Музею мебельного искусства» гамбсовский гарнитур из Старгорода: «Представьте себе, что в таком кавардаке она уцелела. Как я вам уже говорил, музейной ценности она не имеет. Ее свалили в склад, и только вчера, *через семь лет (она лежала на складе семь лет!)*, она была отправлена в аукцион на продажу. Аукцион Главнауки. И, если ее не купили вчера или сегодня утром, она наша!» [Ильф, Петров 2009: 131]. Авторы абсолютно точно отметили дату реквизиции (основная экспроприация проходила в 1918–1920 гг.), дату массовой распродажи дворянского и «буржуйского» имущества (1927 г.), основание для продажи — музейной ценности не имеет, продавца — Главнауку, в ведении которой находился Музейный фонд.

В это время Заведующий Ленинградским Государственным Музейным фондом Главнауки Наркомпроса СССР Д.М. Максимов устанавливает секретную линию связи с ОГПУ. Для ведения секретного делопроизводства и переписки была выделена сотрудница, исполняющая обязанности хранителя Отделения живописи и скульптуры, Л.А. Иванова, давшая специальную подписку при допуске к государственной тайне:

«Подписка при допуске

Я, нижеподписавшаяся *Иванова Людмила Александровна* (здесь курсивом выделен не машинописный, а рукописный текст. — Д.И.) даю настоящую подписку Ленинградскому ОГПУ в том, что обязуюсь выполнить объявленные мне пра-

вила обращения с секретными бумагами и все могущие мне быть известные государственные тайны нигде и ни в какой мере не разглашать.

Мне известно, что за несоблюдение этого обязательства я несу строгую ответственность во внесудебном порядке, согласно известного мне секретного постановления Президиума ЦИК СССР от 26 мая 1927 г.

подпись *Л. Иванова*» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 18].

Этот документ, отпечатанный на бумаге размером примерно в четверть листа, является явно типовым и заранее изготовленным бланком ОГПУ, в котором подписант от руки только вписывал фамилию, имя, отчество и ставил подпись.

Музейному фонду предстоял «напряженный период ликвидации» (определение Капман. — *Д.И.*), а в это время в Хранилище произошло чрезвычайное, но, видимо, весьма характерное для этой организации происшествие. 23 августа 1927 г. дворник А.И. Васильев нашел в садике Ново-Михайловского дворца лежащую на земле картину Мадонны, у которой от сырости в некоторых местах сошла краска [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 7].

2 декабря 1927 г. в Москве в Большом театре состоялся XV съезд ВКП(б), на котором был принят первый пятилетний план, призванный превратить СССР в индустриальную страну, что требовало больших средств, которыми государство не располагало. 9 июля 1928 г. Сталин, выступая на пленуме ЦК ВКП(б), заявил о необходимости изыскания внутренних резервов для проведения масштабной ускоренной индустриализации. Сталин в своем выступлении имел ввиду в первую очередь «нечто вроде дани, нечто вроде сверх налога», взимаемой с крестьянства [Сталин 1949: 159], но был и еще один *внутренний* источник поступления валюты в казну — продажа антиквариата, которая будет, в соответствии с новой политикой, усилена. Еще 23 января 1928 г. вышло постановление Совнаркома СССР «О мерах по усилению экспорта и реализации за границей предметов старины и искусства» [Жуков 1992: 83–84].

30 января 1928 г. уполномоченный Наркомпроса в Ленинграде Б.П. Позерн отправил в Ленинградское отделение музейного фонда секретное распоряжение следующего содержания: «Предлагаю прекратить отправку отобранных для других музеев предметов, без особого на каждый раз моего распоряжения» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 20].

А затем: «Предлагаю предоставить для обозрения представителям С.-Запторга, снабженными мандатами за моей подписью, с целью выделения экспортных экспонатов, весь музейный фонд полностью» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 3. Д. 2. Л. 21]. **Предстояла большая работа по фактически полной распродаже собранных за десять лет ценностей.**

18 апреля 1928 г. вновь арестован (до этого подвергался аресту в 1927 г.) и отправлен в тюрьму А.Р. Дидерихс — один из организаторов первых складов-выставок и аукционов, но арест одного из основоположников торговли художественно-историческими ценностями, естественно, не означал прекращение самой торговли.

12 ноября 1928 г. уволен заведующий Ленинградским музейным фондом Д.М. Максимов, а руководство передано ликвидационной комиссии под началом бывшей революционерки и сотрудницы Псковского ГубЧК А.Э. Капман [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 308 об.], написавшей последний отчет этой организации.

Ленинградскому отделению Музейного фонда в 1928 г. было дано указание подготовить для продажи произведений искусства и старины на сумму 3 миллиона рублей [Попова 1998: 105]. Проблема состояла в том, что сотрудники Фонда всячески затягивали столь важную работу, испортив уже готовые списки, что потребовало составления их заново [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 302 об.]. Однако новой начальнице удалось справиться с ситуацией. В управлении Фонда трудились пять машинисток, перепечатавая списки, и к 1 сентября 1928 г. перестали существовать отделения мебели и бронзы, живописи и скульптуры, керамики, прикладного искусства [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 303].

Неудивительно, что хранителями двух из четырех отделений Фонда, которые удалось ликвидировать к 1 сентября, были недавно пришедшие Н.В. Куранов (керамика) и Л.А. Иванова (живопись и скульптура), а в отделе прикладного искусства работала сама товарищ Капман.

6 марта 1929 г. здание Ново-Михайловского дворца было передано Госторгу, за Фондом временно оставлены четыре комнаты. К 15 апреля 1929 г. в штате Ленинградского музейного фонда состояло всего шесть человек, заканчивавших его ликвидацию [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 310].

По оценке, приведенной в отчете Капман, к 1 октября 1928 г. на экспорт было выделено имущества на сумму 1 185 188 рублей 60 копеек, на 1 апреля 1929 г. — 1 501 104 рубля [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 315 об.].

В 1929 г. Музейный фонд, «собранный революцией», прекратил свое существование — его просто не стало.

Подобно стульям из дома Ипполита Матвеевича Воробьянинова в Старгороде, раритеты отправлялись в лубы, музеи, на аукционы, и казалось, что найти их концов будет уже невозможно.